

НАОМИ КЛЯЙН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА NO LOGO: ЛЮДИ ПРОТИВ БРЭНДОВ

ДОКТРИНА ШОКА

РАСЦВЕТ КАПИТАЛИЗМА КАТАСТРОФ

НОВАЯ СЕНСАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ,
РАЗРУШАЮЩАЯ ПРИВЫЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И МИФЫ
О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ И ИСТИННЫХ ПРИЧИНАХ
ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ XX—XXI ВЕКОВ

Наоми Кляйн

Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673906

Доктрина шока: Издательство «Добрая книга»; М.; 2015

ISBN 978-5-98124-357-8

Аннотация

Расцвет капитализма катастроф.

Продолжение бестселлера «NO LOGO: Люди против брендов»; новая сенсационная версия политической истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и истинных причинах основных событий XX–XXI веков. Сенсационная правда о российских экономических и политических реформах 1987–2005 гг.

«Доктрина шока» – новая книга Наоми Кляйн, жестокая правда о современном мировом порядке, история о том, как американская «свободная рыночная экономика» покоряет мир. Каждая катастрофа глобального масштаба завершается сегодня новым триумфом частного капитала. Эти события – примеры новой стратегии завоевания мира, которую Наоми Кляйн называет «доктриной шока»: использование замешательства народов и государств, возникающие в результате массовых общественных потрясений – войн, террористических атак, природных катаклизмов, – для проведения экономических реформ, известных как «шоковая терапия».

«Доктрина шока» разрушает миф о том, что глобальная рыночная экономика торжествует по всему миру и принимается странами на основе свободного волеизъявления их народов. Автор показывает глубокую связь между «корпоративной» модернизацией современного общества и секретными экспериментами ЦРУ по управлению человеческим поведением.

Содержание

Введение	6
Шоковая терапия возвращается на свою родину	13
Пытка как метафора	17
Великая ложь	19
Часть первая	23
Глава 1	23
Мастерская шока	26
В поисках «чистого листа»	27
Наука страха	34
Реконструкция не удалась	41
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наоми Кляйн

Доктрина шока

Copyright © 2007 by Klein Lewis Productions Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

ООО «Издательство «Добрая книга», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

«Доктрина шока» – книга уникальная, это эпическое творение, это весть, которую необходимо услышать. С настойчивостью журналиста и ответственностью подлинного ученого Наоми Кляйн предлагает не что иное, как новую парадигму для понимания политики. Это честная и крайне необходимая книга. Благодаря точному анализу и удивительно широкому охвату мы можем противостоять высокомерным фанатикам воображаемого «чистого листа», оставляющим после себя только выжженную землю. «Доктрина шока» – это настоящая книга, и только Кляйн могла ее написать.
*Энтони Шедид, иракский корреспондент
газеты Washington Post, лауреат Пулитцеровской премии*

Наоми Кляйн – это ангел-обвинитель. Ее книга, посвященная спасению жизни, таит в себе динамит, но утверждает спокойствие. Она раскрывает разительную параллель между техникой допроса заключенного в ЦРУ и техникой шантажа, применяемой Всемирным банком и МВФ ради насаждения капитализма катастроф по всему миру; в обоих случаях применяется шок, ведущий к утрате идентичности. Поэтому покой есть форма сопротивления. Эту книгу нужно читать повсюду.
*Джон Бергер, автор книг «G.»
и «Пути зрения», лауреат Букеровской премии*

«Доктрина шока» – это убийственная правда, которую власть имущие пытаются скрыть в застенках прошлого. Это ясное изложение тайной истории нашей эпохи, это труд журналиста, запечатлевшего не защитников несправедливой власти, но бедных, подвергнутых пыткам, и тех, кто несмотря ни на что борется за справедливость.
*Джереми Скехилл, автор книги Blackwater:
The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*

Наоми Кляйн разоблачает неолиберальную экономику. Она срывает покров с идеологии «свободной торговли» и глобализации, маскирующей преступный заговор по приватизации войн и катастроф для захвата общественного достояния немногочисленной группой богачей... Ее книга – долгожданный анализ безудержного скатывания назад к феодализму под прикрытием социальных наук и «свободы».
Чэлмерс Джонсон, автор трилогии «Отдача»

Ее доводы прекрасно документированы и логичны, они захватывают и убеждают.

Джейн Смилли, автор книг «Тысяча акров» и «Десять дней среди холмов»

Эта мастерски написанная книга – сдержанный, но яростный призыв к оружию. Наоми Кляйн – Антигона перед лицом царя, противостояние от неизбежности, требующей признать убийство законным средством экономической политики. У нее есть смелость, чтобы верить в справедливость, и мужество, чтобы вести подсчет людской стоимости идеологии, для которой недостаточно поклоняться идолам рынка – нужно убивать людей, чтобы напитать их. Кляйн идет впереди и призывает нас не вступать в самоубийственный клуб, делающий возможным корпоративный каннибализм. Это яркий триумф.

Джон Кьюсак, актер, режиссер

Эта прекрасно написанная, захватывающая книга бесстрашно запечатлела историю, вызывающую отвращение.

Питер Кэри, автор книг «Оскар и Люсинда» и «Кража», лауреат Букеровской премии

Наоми Кляйн стоит в ряду лучших последователей традиции И.Ф. Стоуна и Эптона Синклера; разоблачая, она идет вглубь, когда остальным достаточно лежащего на поверхности. Я восхищаюсь ее внутренней силой и как мужчина XX столетия приветствую женщину XXI века.

Стадс Тэркел, историк, автор книги «Работа»

Откровение! С несравнимой отвагой и ясностью мысли Наоми Кляйн создала самую важную и насущную для своего поколения книгу. В ней она разоблачает лжецов, воров и убийц, срывая маску с экономической политики чикагской школы и являя миру ее связь с хаосом и кровопролитием, которые царят повсюду в мире. «Доктрина шока» – столь важная и столь убийственно разоблачающая книга, что она вполне могла бы стать катализатором, поворотным моментом, отправной точкой в движении за экономическую и социальную справедливость.

Тим Роббинс, актер и режиссер

Снова посвящается Эви

Любое изменение есть перемена предмета обсуждения.

*Сесар Айра, аргентинский писатель
Cimpletaños, 2001 г.*

Введение

Опустошенное – прекрасно: три десятилетия опустошения и перекройки мира

...Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли.

Бытие 6:11–13

Шок и трепет порождают страх, ощущение опасности и катастрофы, непонятное основной массе людей, определенным элементам или сегментам общества либо его руководству. Шок и изумление могут пробуждать природные катаклизмы: торнадо, землетрясения, ураганы, потоны, неукротимые пожары, голод и эпидемии.

«Шок и трепет: быстрое достижение господства», военная доктрина боевых действий США против Ирака¹

Я встретила с Джамаром Перри в сентябре 2005 года в большом приюте Красного Креста в Батон-Руже (штат Луизиана). Молодые улыбающиеся члены Церкви сайентологии раздавали обед, а Перри стоял в очереди. Перед этим меня ругали за то, что я разговаривала с людьми, эвакуированными без медицинского сопровождения, а теперь я – белая жительница Канады посреди моря чернокожих обитателей южных штатов Америки – изо всех сил старалась вписаться в мир окружающих меня людей. Я потихоньку встала в очередь за Перри и предложила ему поговорить как будто мы старые друзья, он охотно согласился.

Он родился и вырос в Новом Орлеане и уже неделю как покинул пострадавший от потопа родной город. На вид ему можно было дать лет семнадцать, однако он сообщил, что ему двадцать три. Он и его семья бесконечно долго ожидали автобусов, которые должны были вывезти их из опасной зоны; автобусы так и не пришли, и им пришлось отправиться в путь пешком под палящим солнцем. Так они оказались тут, в огромном выставочном центре, который обычно использовали для фармацевтических торговых ярмарок и таких увеселительных мероприятий, как «Столичный бой: последняя битва в стальной клетке». Теперь сюда втиснули 2000 кроватей и массу недовольных измученных людей под охрану раздраженных солдат Национальной гвардии, только что вернувшихся из Ирака.

В этот день по приюту разнеслась новость о том, что Ричард Бейкер, известный конгрессмен, республиканец из этого города, заявил группе лоббистов: «Наконец-то нам удалось очистить районы муниципального жилья в Новом Орлеане. Мы не могли этого сделать, но это совершил Бог»². Джозеф Канисаро, один из самых состоятельных людей, занимающихся развитием Нового Орлеана, недавно выразил подобное мнение: «Думаю, перед нами чистая страница, чтобы все начать заново. И этот чистый лист несет нам великие возможности»³. В течение всей той недели законодательное собрание штата Луизиана в Батон-

---

¹ Edney B. Appendix A: Thoughts on Rapid Dominance / Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: NDU Press Book, 1996. P. 110.

² Harwood J. Washington Wire: A Special Weekly Report from The Wall Street Journal's Capital Bureau // Wall Street Journal. 2005. September 9.

³ Rivlin G. A Mogul Who Would Rebuild New Orleans // New York Times. 2005. September 29.

Руже заполняли всевозможные корпоративные лоббисты, желавшие использовать эти великие возможности: снижение налогов, ослабление законодательных ограничений, дешевую рабочую силу и «уменьшенный и безопасный город», – на практике это означало отказ от проектов строительства муниципального жилья в пользу кооперативных частных квартир. Слушая разговоры о «свежем начале» и «чистых страницах», можно было почти забыть мучительное беспокойство от развалин, химических выбросов и человеческих останках всего в нескольких километрах отсюда вниз по шоссе.

Здесь, в приюте, Джамар мог думать только об одном: «Для меня это вовсе не очистка города. Я вижу множество погибших людей, которые не должны были умереть».

Хотя он говорил тихим голосом, пожилой человек, стоявший в очереди перед нами, услышал наш разговор и вступил в беседу: «Что случилось с этими людьми из Батон-Ружа? Это никакие не “возможности”. Это чертова беда. Они что, ослепли?»

К нам присоединилась мать с двумя детьми: «Нет, они не ослепли, они просто погрязли во зле. Они все прекрасно видят».

Новые возможности увидел в затоплении Нового Орлеана и Милтон Фридман, великий гуру движения за нестесненный капитализм, который написал общепризнанный учебник современной сверхподвижной глобальной экономики. Хотя ему девяносто три и его здоровье уже сдает, дядя Милти, как его называют последователи, нашел в себе силы через три месяца после разрушения плотин написать комментарии в *Wall Street Journal*. «В Новом Орлеане разрушено большинство школьных зданий, – пишет Фридман, – как и жилищ детей, обучавшихся в этих школах. Теперь эти дети разбросаны по всей стране. Это трагедия. Но это также и новая возможность для радикальной перестройки системы образования»⁴.

Смелая идея Фридмана заключалась в том, что не стоит тратить миллиарды долларов на восстановление и усовершенствование прежней системы государственных школ Нового Орлеана; вместо этого правительство должно снабдить семьи ваучерами, чтобы можно было их использовать для поддержки частных учебных заведений, нередко приносящих прибыль, которые будут получать государственные субсидии. Крайне важно, писал Фридман, чтобы это фундаментальное изменение было не временной мерой, но «устойчивой реформой»⁵.

Группа правых идеологов горячо поддержала предложения Фридмана, и они повели наступление на город, который недавно подвергся атаке стихий. Администрация Джорджа Буша поддержала их планы, выделив десятки миллионов долларов на то, чтобы превратить школы Нового Орлеана в частные школы – организации, использующие общественные средства, которыми руководят частные организации по своим собственным правилам. Частные школы вызывают крайне противоречивое отношение к себе в Соединенных Штатах, а особенно в Новом Орлеане, где многие афроамериканские родители воспринимают их как отказ от достижений борцов за гражданские права, которые стремились создать условия для того, чтобы каждый ребенок имел возможность получать образование, соответствующее общим стандартам. Но для Милтона Фридмана сама концепция системы государственных школ слишком похожа на социализм. По его мнению, государство должно заботиться только о том, чтобы «защищать нашу свободу как от внешних врагов, так и от наших сограждан: оберегать законность и порядок, способствовать заключению частных контрактов и развитию соревнования на рынке»⁶. Другими словами, государство должно лишь обеспечивать существование полиции и армии – все прочее, в том числе и бесплатное образование, является несправедливым посягательством на права рынка.

---

⁴ The Promise of Vouchers // Wall Street Journal. 2005. December 5.

⁵ Там же.

⁶ Friedman M. Capitalism and Freedom. 1962, repr. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 2.

Восстановление дамб и электрических сетей заняло немало времени, по сравнению с этим создание новой школьной системы Нового Орлеана происходило просто в военных темпах и с военной точностью. В течение 19 месяцев, когда большинство беднейших горожан были еще в изгнании, новоорлеанская система общедоступных школ почти полностью была заменена частными школами. До урагана «Катрина» школьный отдел занимался работой 123 государственных школ, теперь же их осталось всего четыре. До катастрофы существовало лишь семь частных школ, теперь их стало 31⁷. Ранее учителей Нового Орлеана объединял сильный профсоюз, теперь же профсоюзный договор был расторгнут, и 4700 членов профсоюза вынуждены были покинуть город⁸. Некоторых учителей помоложе снова наняли частные школы, уменьшив их зарплату; большинство же учителей остались без прежней работы.

Теперь Новый Орлеан стал, цитирую газету *New York Times*, «самой выдающейся лабораторией страны, где исследуется процесс распространения частных школ», а Американский институт предпринимательства, хранилище идей Фридмана, торжественно провозгласил: «Ураган “Катрина” за один день совершил то... чего долгие годы не могли сделать реформаторы школьной системы в Луизиане»⁹. Между тем учителя государственных школ, наблюдая, как деньги, выделенные жертвам стихийного бедствия, используются для «чистки» системы государственного обучения, на смену которому приходит образование частное, называли план Фридмана «захватом территории образования»¹⁰.

Я называю подобные организованные набеги на общественную территорию вслед за катастрофами, когда стихийное бедствие воспринимается как захватительные возможности для рынка, «капитализмом катастроф».

Комментарии Фридмана по поводу событий в Новом Орлеане оказались его последней политической рекомендацией; не прошло и года, как 16 ноября 2006 года он скончался в возрасте 94 лет. Странно, что этого человека занимал такой относительно скромный вопрос, как создание системы частных школ в американском городе средних размеров, ведь Фридмана считали самым влиятельным экономистом второй половины XX столетия, а среди его учеников несколько президентов США, премьер-министры Великобритании, российские олигархи, министры финансов Польши, диктаторы стран третьего мира, секретари Китайской коммунистической партии, директора Международного валютного фонда и три последних руководителя Федеральной резервной системы США. И все-таки его стремление использовать новоорлеанский кризис для продвижения фундаменталистской версии капитализма причудливым образом стало прощальным приветом от неугомонного низенького профессора, который в свои лучшие времена говорил, что он совсем как «старомодный проповедник, произносящий воскресную проповедь»¹¹.

На протяжении трех десятилетий Фридман и его влиятельные последователи оттачивали именно такую стратегию: дожидаться глубокого кризиса, потом распродать обломки государства частным игрокам, пока граждане еще не пришли в себя от пережитого шока, а затем быстро сделать эти «реформы» устойчивыми.

В одной из самых известных своих статей Фридман сформулировал суть тактической панацеи капитализма, в которой я вижу доктрину шока. По его словам, «только кризис – под-

---

⁷ Интервью с Джо Дероузом, United Teachers of New Orleans. 2006. September 18 / Kunzelman M. Post-Katrina, Educators, Students Embrace Charter Schools // Associated Press. 2007. April 17.

⁸ Ritea S. N.O. Teachers Union Loses Its Force in Storm's Wake // Times-Picayune. New Orleans. 2006. March 6.

⁹ Saulny S. U.S. Gives Charter Schools a Big Push in New Orleans // New York Times. 2006. June 13; Ruy V. de, Newmark K.G. Hope after Katrina? // Education Next. 2006. October 1, www.aei.org.

¹⁰ Educational Land Grab // Rethinking Schools. 2006.

¹¹ Friedman M. Inflation: Causes and Consequences. New York: Asia Publishing House, 1963. P. 1.

линный или воображаемый – ведет к реальным переменам. Когда такой кризис возникает, действия людей зависят от их представлений. И в этом, полагаю, заключается наша главная функция: создавать альтернативы существующим стратегиям, поддерживать их жизнеспособность и доступность до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным»¹². Некоторые люди запасают консервы и воду, готовясь к великим стихийным бедствиям; Фридман же рекомендует запастись идеями свободного рынка. И как только разражается кризис, уверяет профессор Чикагского университета, следует действовать быстро, молниеносно вносить необратимые изменения, пока охваченное кризисом общество не придет в себя и не вернется к «тирании статус-кво». Фридман утверждает, что «у новой власти есть от шести до девяти месяцев, когда можно добиться основных перемен; если она не использует этот шанс и не предпримет решительных действий в этот период, ей не будут даны другие столь же богатые возможности»¹³. Этот вариант совета Макиавелли – наносить «вред» «внезапно и весь сразу», кажется, остается самым главным и неизменным пунктом из всего стратегического наследия Фридмана.

Впервые Фридман учился использовать широкомасштабный шок или кризис в середине 70-х годов прошлого века, когда работал советником чилийского диктатора генерала Аугусто Пиночета. Жители Чили находились в состоянии шока не только из-за насильственного захвата власти Пиночетом, но и благодаря мучительной и резкой гиперинфляции. Фридман посоветовал Пиночету совершить моментальное преобразование экономики: снизить налоги, дать свободу торговле, приватизировать часть государственных функций, уменьшить расходы на социальную сферу и ослабить государственный контроль. В итоге на смену государственным школам в Чили пришли школы частные, финансируемые на основе ваучеров. Это был самый резкий переход к капитализму из всех, которые когда-либо где-либо предпринимались, и его называли революцией «чикагской школы», поскольку многие из экономистов Пиночета получили подготовку под руководством Фридмана в Чикагском университете. Фридман предсказывал, что скорость, неожиданность и масштаб экономических сдвигов вызовут психологическую реакцию населения, которая «облегчит процесс урегулирования»¹⁴. Он придумал название для такой болезненной тактики: экономическая «шоковая терапия». С тех пор на протяжении десятилетий, когда правительства осуществляли радикальные программы перехода к свободному рынку, использование этого лечения шоком «внезапно и сразу», или «шоковой терапии», стало просто вопросом выбора метода.

Пиночет облегчал процесс урегулирования и своими собственными шоковыми мерами: при этом режиме появились многочисленные камеры пыток, где корчились от боли те несчастные люди, которые, вероятнее всего, должны были воспротивиться капиталистическим преобразованиям. Многие люди в Латинской Америке видели прямую связь между экономическим шоком, после которого разорились миллионы людей, и эпидемией пыток для сотен тысяч тех, кто верил в иной общественный строй. Уругвайский писатель Эдуардо Галеано говорил: «Как же еще можно было поддерживать такое неравенство, если не с помощью встряски или электрошоком?»¹⁵

Ровно через 30 лет после этих трех форм шока, которые пришлось испытать Чили, та же схема была использована в Ираке, притом еще грубее. Сначала была война, затяжная, по мнению авторов военной доктрины «шока и трепета», чтобы «контролировать волю, восприятие и способность к пониманию ситуации противника, что делает врага буквально

---

¹² Friedman M. *Capitalism and Freedom*, p. ix.

¹³ Friedman M., Friedman R.D. *Tyranny of the Status Quo*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1984. P. 3.

¹⁴ Friedman M., Friedman R.D. *Two Lucky People: Memoirs*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 592.

¹⁵ Galeano E. *Days and Nights of Love and War* / Trans. J. Brister. New York: Monthly Review Press, 1983. P. 130.

неспособным к действиям или реагированию»¹⁶. Затем, когда страна еще была объята пламенем, последовала радикальная шоковая терапия экономики: массовая приватизация, полная свобода торговли, единый 15-процентный налог, резкое сокращение государственного аппарата, – все эти меры проводил главный дипломатический представитель США Л. Пол Бремер. Временный руководитель Министерства торговли Ирака Али Абдул-Амир Аллави говорил тогда, что народ Ирака «смертельно устал быть участником экспериментов. Система уже пережила достаточно шока, так что нет нужды применять эту шоковую терапию еще и в сфере экономики»¹⁷. Когда жители Ирака начали сопротивляться переменам, их арестовывали и бросали в тюрьмы. Там тело и психика сталкивались с новыми видами шока, на этот раз куда менее метафоричными.

Я приступила к исследованию вопроса о том, как свободный рынок зависит от влияния шока, четыре года назад, в первые дни оккупации Ирака. Придя в Багдаде к выводу, что попытка Вашингтона применить шоковую терапию после военной стратегии «шока и трепета» провалилась, я отправилась в Шри-Ланку, за несколько месяцев до того, в 2004 году, опустошенную цунами, и увидела там очередную версию того же маневра: иностранные инвесторы и международные кредиторы сообща использовали атмосферу паники, чтобы отдать все прекрасное побережье в руки предпринимателей, которые быстро построили огромные курортные зоны, из-за чего сотни тысяч местных рыбаков были лишены возможности восстановить свои деревни около воды. «Природа, нанеся Шри-Ланке сокрушительный удар, подарила стране уникальную возможность, так что эта великая трагедия породит туризм мирового класса», – заявило правительство Шри-Ланки¹⁸. В это время на Новый Орлеан обрушился ураган «Катрина», и ряд политиков-республиканцев, интеллектуальных столпов, занимающихся развитием страны, заговорили о «чистых листах» и небывалых возможностях; и стало ясно, что теперь это уже превратилось в излюбленный метод достижения корпоративных целей: использовать момент коллективной травмы для применения радикальной социальной и экономической инженерии.

Большинство людей, переживших опустошительные катастрофы, отнюдь не восторгаются состоянием «чистой дощечки», но желают прямо противоположного: спасти все, что только можно, и начать восстановление того, что не до конца разрушено; они хотят снова восстановить связь с тем местом, где они росли и жили. «Когда я восстанавливаю город, у меня возникает ощущение, что я восстанавливаю саму себя», – сказала Кассандра Эндриус, жительница новоорлеанского Девятого района, значительно пострадавшего от катастрофы, когда разбирала строительный мусор после урагана¹⁹. Но сторонники капитализма катастроф не заинтересованы в восстановлении прошлого. В Ираке, Шри-Ланке и Новом Орлеане происходил процесс, который ложно называли «реконструкцией», когда дело, начатое стихийным бедствием, доводили до логического завершения: стирали с лица земли все, что осталось и чем владело государство или местная общественность, чтобы взамен на скорую руку воздвигнуть корпоративный Новый Иерусалим – пока жертвы войны или природной катастрофы еще не способны объединиться и предъявить свои права на то, что им принадлежало.

---

¹⁶ Ullman H.K., Wade J.P. Shock and Awe, p. xxviii.

¹⁷ Crampton T. Iraq Official Warns on Fast Economic Shift // International Herald Tribune. Paris. 2003. October 14.

¹⁸ Rice A. Post-Tsunami Tourism and Reconstruction: A Second Disaster? London: Tourism Concern. 2005. October, www.tourismconcern.org.uk.

¹⁹ Powers N. The Ground below Zero // Independent. 2006. August 31, www.independent.org.

Лучше всего это выразил Майк Бэттлз: «Страх и беспорядок несут нам реальные перспективы»²⁰. Этот 34-летний человек, ранее служивший в ЦРУ, говорил о том, как хаос в Ираке после вторжения помог его малоизвестной и неопытной частной фирме Custer Battles, занимающейся безопасностью, получить от федерального правительства контракты примерно на 100 миллионов долларов²¹. Его слова вполне могут служить лозунгом современного капитализма: страх и беспорядки позволяют совершить очередной скачок вперед.

Когда я приступила к исследованию взаимосвязи между сверхприбылью и масштабными бедствиями, я подумала, что буду свидетелем фундаментального изменения того, как стремление «освободить» рынок реализуется по всему миру. Поскольку я участвовала в движении против стремительно растущей власти корпораций, начало чему было положено в Сиэтле в 1999 году, мне было легко распознать политику, благоприятную для бизнеса, в грубом давлении саммитов Всемирной торговой организации или в условиях займов Международного валютного фонда. Три требования, являющиеся как бы торговой маркой этой политики: приватизация, отмена государственного контроля и резкое снижение затрат в социальной сфере, – обычно крайне отрицательно воспринимаются населением, но проведение их в жизнь все-таки предполагает согласие населения с правительством, а также консенсус среди экспертов. А теперь та же самая идеологическая программа осуществляется с помощью наихудших средств принуждения из всех возможных: на фоне военной оккупации после вторжения в чужую страну или сразу же после природного бедствия. Похоже, 11 сентября 2001 года открыло перед Вашингтоном зеленый свет, так что теперь уже можно не спрашивать, желает ли другая страна принять американскую версию «свободной торговли и демократии», но можно насаждать ее с помощью военной силы, осуществляющей операцию «Шок и трепет».

Углубляясь в историю в попытке понять, каким образом подобная модель рынка распространилась по земному шару, я обнаружила, что идея использовать кризисы и бедствия была присуща школе Милтона Фридмана с самого начала – эта фундаменталистская версия капитализма всегда нуждается в катастрофе, чтобы двигаться вперед. Очевидно, эти «благоприятные» кризисы становились все масштабнее и вызывали более сильный шок, но то, что произошло в Ираке и Новом Орлеане, не было новым изобретением эпохи после 11 сентября. Скорее, эти откровенные эксперименты по использованию кризисов стали кульминацией трех десятилетий жесткого следования доктрине шока.

Если смотреть сквозь призму этой доктрины, последние 35 лет не похожи на другие годы. Самые вопиющие нарушения прав человека в этот период, которые представляются садизмом антидемократических режимов, были на деле либо совершены с сознательной целью запугать общество, либо активно использовались, чтобы подготовить почву для проведения радикальных «реформ» в пользу свободного рынка. Во время правления хунты в Аргентине в 70-е годы прошлого века «пропало» 30 тысяч человек, многие из которых были левыми активистами, и это было необходимо для реализации политики чикагской школы; сходным образом террор способствовал проведению экономических преобразований в Чили. Подобную роль сыграл шок от бойни на площади Тяньаньмэнь в Китае в 1989 году и последовавшего ареста десятков тысяч людей; это позволило Коммунистической партии превратить большую часть страны в огромную экспортную зону, где работники были слишком запуганы, чтобы заявлять о своих правах. В России в 1993 году решение Бориса Ельцина послать танки и открыть огонь по зданию парламента связало руки деятелям оппозиции, позволило провести приватизацию по сниженным ценам и породило печально известных русских олигархов.

---

²⁰ King-jr. N., Dreazen Y.J. Amid Chaos in Iraq, Tiny Security Firm Found Opportunity // Wall Street Journal. 2004. August 13.

²¹ Eckholm E. U.S. Contractor Found Guilty of \$3 Million Fraud in Iraq // New York Times. 2006. March 10.

Подобную службу для Маргарет Тэтчер в Великобритании сослужила война на Фолклендских островах в 1982 году: беспорядки и энтузиазм националистов после войны позволили ей использовать грубую силу для подавления забастовки шахтеров и осуществить безумную программу приватизации – впервые в истории западной демократии. Нападение НАТО на Белград в 1999 году создало условия для стремительной приватизации в бывшей Югославии – эта цель была намечена еще до начала военных действий. Разумеется, экономика не стала единственной причиной этих войн, но в каждом случае значительный шок для общества использовали как подготовку для проведения экономической шоковой терапии.

Травматические события, которые «облегчали» достижение цели, не всегда носили характер ярких бедствий. В 80-е годы в Латинской Америке и Африке долговой кризис заставил страны выбирать «приватизацию или смерть», как выразился один из бывших работников МВФ²². Запутавшиеся в хаосе гиперинфляции и неспособные сказать «нет» тем, кто предлагал иностранные займы, правительства согласились на «шоковую терапию» в надежде, что оно спасет их от худшего бедствия. Финансовый кризис 1997–1998 годов, по своей опустошительности почти сопоставимый с Великой депрессией, заставил присмиреть так называемых «азиатских тигров», так что им пришлось открыть свои рынки и устроить, как писал журнал *The New York Times Magazine*, «величайшую в мире распродажу по случаю выхода из бизнеса»²³. Во многих из этих стран существовала демократия, но радикальное введение свободного рынка проводилось там недемократическим путем. Напротив, как это понимал Фридман, атмосфера масштабного кризиса была необходимой предпосылкой для того, чтобы преодолеть сделанный избирателями выбор и передать страну в руки экономических «технократов».

Разумеется, в некоторых случаях принятие политики свободного рынка происходило демократическим путем: политики заявляли о своей жесткой программе и побеждали на выборах; прекрасный пример такого хода событий – США под управлением Рональда Рейгана, а из свежих примеров – победа Николя Саркози во Франции. Однако в подобных случаях приверженцы свободного рынка наталкивались на сопротивление общества и им приходилось пересматривать свои радикальные планы и соглашаться на постепенные реформы, а не на тотальные перемены. И эта закономерность объяснима: дело в том, что экономическая модель Фридмана может лишь частично применяться в условиях демократии, но для ее подлинной реализации необходим авторитаризм. Чтобы проводить шоковую терапию в экономике – как это было в Чили в 70-е годы, в Китае в конце 80-х, в России в 90-е и в США после 11 сентября 2001 года, – обществу необходимо пережить тяжелую травму, которая или приостанавливает функционирование демократии, или полностью ее блокирует. Этот идеологический крестовый поход берет начало от авторитарных режимов в Южной Америке, а на самых значительных недавно покоренных территориях – в России и Китае – он до сего дня весьма комфортабельно сосуществует рядом с тираническим правлением, принося хорошие доходы.

---

²² Budhoo D.L. Enough Is Enough: Dear Mr. Camdessus... Open Letter of Resignation to the Managing Director of the International Monetary Fund. New York: New Horizons Press, 1990. P. 102.

²³ Lewis M. The World's Biggest Going-Out-of-Business Sale // *The New York Times Magazine*. 1998. May 31.

Шоковая терапия возвращается на свою родину

Движение чикагской школы Фридмана с 70-х годов завоевывало территории по всему миру, но до недавнего времени эта идеология не применялась в полном объеме в стране, где она зародилась. Конечно, Рейган проложил для нее путь, тем не менее США сохранили систему пособий по безработице и социального обеспечения, а также государственные школы, поскольку родители, по словам Фридмана, сохраняли «иррациональную привязанность к социалистической системе»²⁴.

Когда в 1995 году республиканцы получили контроль над Конгрессом, Дэвид Фрам, переселившийся в Америку из Канады, будущий спичрайтер Джорджа Буша, принадлежал к так называемым неоконсерваторам, которые призывали к экономической революции США в стиле шоковой терапии. «Вот как, думаю, это надо делать. Вместо того чтобы сокращать расходы по частям – немного тут, немного там, – я бы предложил нечто иное: в один определенный день этим летом мы приостанавливаем выполнение 300 программ, каждая из которых стоит по одному миллиарду долларов или меньше. Возможно, такое сокращение расходов не приведет к большим изменениям, но, ребята, это привлечет к себе внимание. И вы можете это сделать прямо сейчас»²⁵.

Тогда Фраму не удалось применить шоковую терапию на ее родине, и это объясняется тем, что в Америке не было кризиса, который бы подготовил благоприятную почву. Но в 2001 году все изменилось. На момент террористической атаки 11 сентября в Белом доме собралось множество учеников Фридмана, включая его близкого друга Дональда Рамсфельда. Команда Буша использовала момент всеобщей растерянности с потрясающей быстротой – не потому, что администрация, как некоторые думали, коварным образом подстроила этот кризис, но потому, что ключевые фигуры в администрации, ветераны экспериментов с капитализмом катастроф в Латинской Америке и Восточной Европе в прошлом, входили в движение, члены которого молятся о кризисе, как фермеры во время засухи молятся о дожде или как Свидетели Иеговы – о конце света и о том, чтобы их вознесли на небеса. И когда наступает долгожданная катастрофа, эти люди моментально понимают, что их час, наконец, пробил.

В течение трех десятилетий Фридман и его последователи методично использовали шоковые ситуации – эквиваленты 11 сентября для США – в других странах, начиная с военного переворота Пиночета 11 сентября 1973 года. А 11 сентября 2001 года настал момент, когда идеология, выкованная в американских университетах и нашедшая прибежище в организациях Вашингтона, смогла, наконец, вернуться к себе на родину.

Администрация Буша после террористической атаки мгновенно начала эксплуатировать страх не только для того, чтобы объявить «войну террору», но и для организации весьма прибыльного предприятия, новой, быстрорастущей промышленности, которая вдохнула новую жизнь в ненадежную экономику США. Если увидеть в этом комплекс капитализма катастроф, легче понять, что это явление куда более широкое, нежели военно-промышленный комплекс, против которого предостерегал Дуайт Эйзенхауэр в конце своего правления: это глобальная война, в которой на всех уровнях сражаются частные компании, получающие государственные средства и принявшие бессрочный мандат постоянно защищать родные Соединенные Штаты, одновременно устраняя всякое «зло» за границей. Всего за несколько лет этот комплекс расширил свой рынок: это уже не только борьба с терроризмом, но и международное миротворчество, муниципальное развитие, устранение послед-

---

²⁴ Sipchen B. Are Public Schools Worth the Effort? // Los Angeles Times. 2006. July 3.

²⁵ Tough P., Frum D., Kristol W. et al. A Revolution or Business as Usual?: A Harper's Forum // Harper's. 1995. March.

ствий природных катастроф, которые стали происходить все чаще. Конечной целью корпорации, стоящей в сердцевине этого комплекса, является реализация модели доходного правительства. И эта модель проводится в жизнь с огромной скоростью в чрезвычайных обстоятельствах, она определяет обычные и повседневные функции государства; фактически это приватизация правительства.

Чтобы дать старт развитию комплекса капитализма катастроф, администрация Буша без публичных дискуссий и широкого обсуждения передала в частные руки многие из самых деликатных и ключевых функций государства: от заботы о здоровье солдат до допроса заключенных или сбора информации относительно каждого из нас. Правительство в этой бесконечной войне ведет себя не как администратор, управляющий сетью подрядчиков, но как богатый капиталист – владелец предприятия, который сам вкладывает начальный капитал в создание комплекса, а затем становится самым значимым потребителем его новых услуг. Можно проиллюстрировать этот процесс тремя примерами. В 2003 году правительство США заключило 3512 контрактов с компаниями, которые занимаются обеспечением безопасности; в течение периода длиной в 22 месяца, который закончился в августе 2006 года, Министерство национальной безопасности заключило более 115 тысяч таких контрактов²⁶. На глобальную «промышленность национальной безопасности» – с экономической точки зрения малозначимую до 2001 года – теперь расходуется 200 миллиардов долларов²⁷. В 2006 году правительство США потратило на национальную безопасность в среднем по 545 долларов с каждой семьи²⁸.

И все это касается не только внутреннего фронта войны против террора, деньги тратятся на сражения и за пределами Америки. Это не только поставщики вооружения, доходы которых резко возросли благодаря войне в Ираке; содержание вооруженных сил США сегодня стало индустрией сервиса с самыми быстрыми темпами роста во всем мире²⁹. «Ни разу в истории две страны, в которых существует McDonald's, не вели войны одна против другой», – уверенно провозгласил обозреватель газеты *New York Times* Томас Фридман в декабре 1996 года³⁰. Его предсказание оказалось ошибочным всего спустя два года, более того, благодаря модели прибыльной войны армия США отправляется на сражения в сопровождении Burger King и Pizza Hut, и эти компании на льготных условиях продают свою продукцию солдатам на военных базах от Ирака до бухты Гуантанамо.

Кроме того, это гуманитарная помощь и реконструкция. Начиная с Ирака доходы от гуманитарной помощи и реконструкции уже стали новой глобальной парадигмой, при этом не важно, что было причиной изначальной катастрофы: предупредительные военные действия, такие как нападение Израиля на Ливан в 2006 году, или ураган. В условиях недостатка ресурсов и изменения климата, что все чаще порождает масштабные бедствия, реагирование на катастрофу слишком важно для развития рынка, чтобы передать эти действия в руки некоммерческих организаций. Почему школы должен восстанавливать ЮНИСЕФ, когда эту задачу может взять на себя Bechtel, одна из крупнейших инженерных фирм США? Зачем поселять людей, эвакуированных из Миссисипи, в пустые квартиры при поддержке субсидий, когда их можно разместить на туристических судах типа Carnival? Зачем приглашать миротворцев из ООН в Дарфур, когда частные компании, занимающиеся безопасностью, такие как Blackwater, ищут новых клиентов? И это особенность эпохи после 11 сентября:

---

²⁶ Monahan R., Beaumont E.H. Big Time Security // *Forbes*. 2006. August 3; Stoller G. Homeland Security Generates Multibillion Dollar Business // *USA Today*. 2006. September 10.

²⁷ Ratliff E. Fear, Inc. // *Wired*. 2005. December.

²⁸ Rugs V. de. Facts and Figures about Homeland Security Spending // American Enterprise Institute. 2006. December 14, www.aei.org.

²⁹ Bender B. Economists Say Cost of War Could Top \$2 Trillion // *Boston Globe*. 2006. January 8.

³⁰ Friedman T.L. Big Mac I // *New York Times*. 1996. December 8.

ранее войны и бедствия открывали возможности перед узким сектором экономики – скажем, для производства истребителей или строительных компаний, которые восстанавливают мосты после бомбежки. При этом экономическая роль войны сводилась прежде всего к тому, что она позволяла открывать новые рынки, которые раньше были недоступны, и создавать повышенный спрос на продукцию при восстановлении мира. Теперь же война и бедствие целиком и полностью приватизированы – настолько, что сами становятся новым рынком и уже не нужно дожидаться окончания войны для роста спроса: способ передачи информации сам по себе является информацией³¹.

Одно из явных преимуществ такого постмодернистского подхода заключается в том, что с точки зрения рынка тут нет места неудаче. Как заметил один аналитик, говоря об особенно удачном для доходов энергетической компании Halliburton квартале, «Ирак превзошел наши ожидания»³². Это было сказано в октябре 2006 года, в самый ужасный месяц войны, когда зарегистрированные потери среди гражданского населения Ирака составили 3709 человек³³. И тем не менее акционеры должны были высоко оценить эту войну, которая принесла одной-единственной компании доход в 20 миллиардов долларов³⁴.

Таким образом, торговля оружием, армия, доходная реконструкция и индустрия национальной безопасности, появившиеся в результате применения шоковой терапии администрацией Буша после 11 сентября, – это вполне сформировавшаяся новая экономика. Она была построена в эпоху Буша, но теперь существует совершенно независимо от администрации любой политической ориентации и будет сохранять свою прочную позицию до тех пор, пока стоящая за ней доминирующая корпоративная идеология не будет идентифицирована, изолирована и поставлена под сомнение. Этим комплексом руководят американские фирмы, но он носит глобальный характер: британские компании делятся своим опытом применения вездесущих камер наблюдения, израильтяне являются специалистами по строительству высокотехнологичных стен и ограждений, канадские деревообрабатывающие фирмы поставляют сборные дома, которые в несколько раз дороже домов местного производства, и так далее. «Не думаю, что раньше кто-либо видел в ликвидации последствий катастроф настоящий рынок жилищного строительства, – сказал Кен Бейкер, руководитель корпорации лесоторговцев Канады. – В долгосрочной перспективе это стратегия, которую надо совершенствовать»³⁵.

По масштабам капитализм катастроф можно поставить в один ряд с зарождающимися рынками и скачком развития информационных технологий в 1990-х. Фактически инсайдеры говорят, что дела тут идут даже лучше, чем в эпоху доткомов, и «мыльный пузырь безопасности» продолжает раздуваться, хотя прочие уже полопались. Учитывая растущие доходы индустрии безопасности (которая только в США в 2006 году должна была принести 60 миллиардов долларов прибыли), а также сверхприбыли нефтяной промышленности (которые растут при каждом очередном кризисе), можно сказать, что экономика периода катастроф спасла мировой рынок от глубокого спада, который ему грозил накануне 11 сентября³⁶.

Попытка воссоздать историю идеологического крестового похода, высшей точкой которого стала радикальная приватизация войны и катастроф, наталкивается на одну проблему: эта идеология, как хамелеон, постоянно меняла названия и лица. Фридман называл

---

³¹ Автор цитирует философа и социолога Маклюэна (The Medium is the Message). – *Примеч. ред.*

³² Quinn S. Halliburton's 3Q Earnings Hit \$611M // Associated Press. 2006. October 22.

³³ Hurst S.R. October Deadliest Month Ever in Iraq // Associated Press. 2006. November 22.

³⁴ Glanz J., Norris F. Report Says Iraq Contractor Is Hiding Data from U.S. // New York Times. 2006. October 28.

³⁵ Leung W. Success Through Disaster: B.C.-Made Wood Houses Hold Great Potential for Disaster Relief // Vancouver Sun. 2006. May 15.

³⁶ Treaster J.B. Earnings for Insurers Are Soaring // New York Times. 2006. October 14.

себя «либералом», но его американские последователи, в чьих головах либералы ассоциировались с высокими налогами и хиппи, обычно относили себя к консервативным «классическим экономистам», сторонникам свободного рынка, а позднее – к приверженцам рейганомики или *laissez-faire*, то есть политики невмешательства государства. В мире это учение преимущественно называют неолиберализмом, часто свободной торговлей или просто глобализацией. Лишь с середины 90-х годов это направление мысли, которое возглавляли столпы правого крыла, долгое время связанные с Фридманом, такие как фонд Heritage, Институт Катона и Американский институт предпринимательства, стало называть себя нео-консервативным. Это мировоззрение поставило всю мощь военной машины Соединенных Штатов на службу корпоративным целям.

Все эти идеологические инкарнации сохраняли верность политической триаде: устранению государственного контроля, полной свободе корпораций и минимуму социальных расходов, – но ни одно из перечисленного, похоже, не дает адекватного представления об этой идеологии. Фридман утверждал, что его движение представляет собой попытку освободить рынок от государства, но реальная история того, что происходит, когда его чистый замысел воплощается на практике, – это совсем другая вещь. В любой стране, где за последние три десятилетия применялась политика чикагской школы, возникал мощный альянс между немногочисленными самыми крупными корпорациями и группой самых богатых политиков, причем граница между этими группами была нечеткой и изменчивой. В России миллиардеры – частные игроки в таком альянсе – называются олигархами, в Китае их зовут «князьками», в Чили – «пираньями», в США, в правление Буша – Чейни, – «первопроходцами». Эти политические и корпоративные элиты отнюдь не освобождают рынок от государства, они просто сливаются с ним, присваивая себе право распоряжаться ресурсами, которые ранее принадлежали обществу, от нефтяных скважин России до общественных земель в Китае или контрактов на восстановительные работы в Ираке при отсутствии конкуренции.

Более точный термин для системы, которая стирает границы между Большим Правительством и Большим Бизнесом, – это не либерализм, не консерватизм и не капитализм, но корпоративизм. Ее главная характеристика – переход значительной массы общественного богатства в частные руки, часто при этом растут долги, возникает все более широкая пропасть между невероятно богатыми и на все готовыми бедняками и появляется агрессивный национализм, который позволяет оправдать бесконечные расходы средств на безопасность. Для людей, которые находятся внутри этого пузыря огромного богатства, это самое выгодное положение дел. Но поскольку подавляющее большинство людей оказывается вне пузыря, корпоративное государство начинает проявлять и другие характерные черты: агрессивный надзор (и снова в этом случае государство и огромные корпорации начинают торговать выгодами и контрактами), массовые аресты, ограничение гражданской свободы и часто, хотя и не всегда, пытки.

Пытка как метафора

От Чили до Китая и Ирака пытки молчаливо сопровождали глобальный крестовый поход свободного рынка. Но пытка не только средство, позволяющее навязать нежеланные политические меры протестующим людям, но и метафора, отражающая внутреннюю логику доктрины шока.

Пытки, или на языке ЦРУ «допросы с применением принуждения», – это набор специальных техник, которые должны вызвать у заключенного состояние глубокой дезориентации и шока, чтобы склонить его к признанию вопреки его собственной воле. Стоящие за этой техникой идеи разработаны в двух руководствах ЦРУ, которые были рассекречены в конце 90-х годов. Как объясняется в этих руководствах, для того чтобы «сопротивляющийся источник информации» заговорил, необходимо решительными действиями лишить узника способности осмысливать окружающий его мир³⁷. Прежде всего, следует прекратить доступ любых ощущений (с помощью капюшона, закрывающего глаза, ушных затычек, кандалов, полной изоляции), а затем тело заключенного подвергают чрезмерной стимуляции (стробоскопический свет, оглушительная музыка, избиения, электрошок).

Этот «подготовительный» этап должен действовать на сознание как ураган: узник впадает в глубокую регрессию и настолько запуган, что уже не в состоянии думать рационально или отстаивать собственные интересы. Именно на этой стадии шока большинство заключенных делают все, что хотят допрашивающие: выдают информацию, признаются в своей вине, отказываются от того, во что раньше верили. Как это достаточно сжато формулирует одно из руководств ЦРУ, «существует период – он может быть очень кратким – приостановки жизненных сил, нечто вроде психологического шока или паралича. Его вызывают травматические или близкие к ним переживания, которые как бы разрушают привычный мир субъекта и его образ самого себя в контексте этого мира. Опытный допрашивающий распознает подобные состояния, он знает, что именно в этот момент источник сильнее открыт к внушению, вероятнее пойдет на уступки, чем до воздействия такого шока»³⁸.

Доктрина шока в точности повторяет этот процесс, пытаясь обеспечить на уровне массового сознания то, что пытки позволяют достичь в отношении индивида. Наиболее яркий пример тому – 11 сентября, когда для миллионов людей был разрушен привычный мир и они впали в состояние глубокой дезориентации и регрессии, чем мастерски воспользовалась администрация Буша. Внезапно мы оказались в некоем нулевом году, когда все, что мы ранее знали об этом мире, можно было списать со счетов как «логику до 11 сентября». Никогда не отличавшиеся глубоким знанием истории, американцы превратились в «чистый лист бумаги», на котором «можно нарисовать новый, более прекрасный мир», как говорил Мао о своем народе³⁹. Немедленно материализовалась целая армия экспертов, которые стали набрасывать новые и прекрасные слова на податливом полотне нашего посттравматического сознания: «столкновение цивилизаций», «ось зла», «исламофашизм», «безопасность отечества». И пока каждый думал о неслыханных ранее цивилизационных войнах и столкновениях, администрация Буша смогла выполнить то, о чем до 11 сентября ей приходилось лишь мечтать: она начала приватизированные войны за границей, а дома выстроила корпоративный комплекс обеспечения безопасности.

---

³⁷ Kubark Counterintelligence Interrogation // Central Intelligence Agency. 1963. July. Pp. 1, 101. Рассекреченное руководство полностью доступно по адресу www.gwu.edu/~nsarchiv.

³⁸ Kibark Counterintelligence, p. 66.

³⁹ Tse-Tung M. Introducing a Cooperative // Peking Review 1. 1958. № 15. P. 6.

Так работает доктрина шока: начальное бедствие – переворот, террористический акт, крушение рынка, война, цунами, ураган – вводит все население страны в состояние коллективного шока. Падающие бомбы, вспышки террора, ужасающие порывы ветра выполняют ту же подготовительную функцию для общества, что и оглушительная музыка или избияния в камерах, где пытаются заключенных. Подобно запуганному узнику, выдающему имена своих друзей или отрекающемуся от своих убеждений, общество, потрясенное шоком, часто отрекается от того, что в других условиях оно бы страстно защищало. Джамар Перри и его соседи, эвакуированные в Батон-Руж, должны были отказаться от своего жилья и государственных школ. После цунами рыбаки Шри-Ланки уступили ценные участки земли на побережье в пользу отелей. Жители Ирака, если бы все совершалось по плану, должны были пережить шок и трепет и передать контроль над своими нефтяными запасами, государственные компании и свой суверенитет военным базам США и «зеленым зонам».

Великая ложь

В лавине хвалебных слов, обращенных к Милтону Фридману, роль шока и кризисов в продвижении мира вперед почти не упоминается. На самом деле его смерть послужила поводом для пересказа официальной истории о том, как бренд радикального капитализма стал официальной доктриной правительств почти по всему земному шару. Подобная мифологическая версия истории, заботливо очищенная от любых следов насилия и принуждения, тесно сплетенных с этим крестовым походом, представляет собой наиболее успешный пропагандистский ход последних трех десятилетий. Эта версия звучит примерно так.

Фридман посвятил жизнь мирной борьбе мыслителя против тех, кто думал, что правительство обязано регулировать рынок, чтобы смягчить его жесткие грани. По его мнению, «история вступила на ложный путь», когда политики начали прислушиваться к словам Джона Мейнарда Кейнса, интеллектуального создателя «Нового курса» и современной государственной системы социального обеспечения⁴⁰. Крах рынка в 1929 году породил всеобщее убеждение в том, что политика невмешательства провалилась и правительство обязано заботиться об экономике, чтобы перераспределять богатства и регулировать деятельность корпораций. В эти мрачные для политики невмешательства дни, когда коммунисты победили на Востоке, Запад с радостью вступил на путь государства всеобщего благосостояния, а экономический национализм пустил корни на постколониальном Юге, Фридман и его учитель Фридрих Хайек заботливо хранили пламя чистого капитализма, незапятнанного кейнсианскими попытками собрать общественное богатство, чтобы построить более справедливое общество.

«Это, как я думаю, огромная ошибка, – писал Фридман в письме к Пиночету в 1975 году, – верить в то, что можно делать добро с помощью чужих денег»⁴¹. Но его не слушали; большинство людей с упорством держались убеждения, что их правительства могут и обязаны делать добро. В 1969 году газета *Time* пренебрежительно отзывается о Фридмане как о «мечтателе или зануде», которого если и почитают за пророка, то лишь немногие избранные⁴².

Наконец, после того как он провел нескольких десятков лет в интеллектуальной пустыне, наступили 80-е годы – эпоха правления Маргарет Тэтчер (она называла Фридмана «интеллектуальным борцом за свободу») и Рональда Рейгана (который, как заметили, носил с собой манифест Фридмана «Капитализм и свобода» во время предвыборной борьбы за президентский пост)⁴³. Появились политические лидеры, готовые реализовать идею неограниченного рынка в реальном мире. По официальной версии, после того как Рейган и Тэтчер мирно и демократически дали волю рынкам в своих странах, это обернулось такой свободой и процветанием, что, когда началось падение диктатур от Манилы до Берлина, массы потребовали рейганомии наряду с бигмаком.

Когда в итоге распался Советский Союз, жители «империи зла» с радостью присоединились к революции Фридмана, как и коммунисты Китая, превратившиеся в капиталистов. Это означало, что уже ничто не преграждало дороги подлинному глобальному свободному рынку, при котором освобожденные корпорации не только получили свободу в своих странах, но и могут теперь беспрепятственно пересекать границы, чтобы вокруг них рас-

---

⁴⁰ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 594.

⁴¹ Там же.

⁴² The Rising Risk of Recession // *Time*. 1969. December 19.

⁴³ Jones G. Thatcher Praises Friedman, Her Freedom Fighter // *Daily Telegraph*. London. 2006. November 17; Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, pp. 388–389.

цветало благоденствие по всему миру. Возник двойной консенсус относительно общественного строя: политических лидеров необходимо избирать, а экономика должна жить по законам Фридмана. Это был, по словам Фрэнсиса Фукуямы, «конец истории» – «конечная точка идеологической эволюции человечества»⁴⁴. Когда Фридман умер, журнал *Fortune* написал, что «он живо чувствовал ход истории»; Конгресс США принял решение объявить Фридмана «одним из величайших в мире борцов за свободу, и не только в сфере экономики, но и во всем»; губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер объявил 29 января 2007 года Днем Милтона Фридмана для всего штата, и этому примеру последовали некоторые другие города и поселки. *Wall Street Journal* кратко выразил эту «причесанную» версию истории в своем заголовке: «Человек свободы»⁴⁵.

Эта книга бросает вызов основному и нежно любимому утверждению официальной истории, что триумф свободного от постороннего вмешательства капитализма был рожден из импульса свободы, что неограниченный свободный рынок идет рука об руку с демократией. Вместо этого я намерена показать, что такой фундаменталистской форме капитализма постоянно сопутствовало самое грубое принуждение, направленное как на общественный политический организм, так и на тела бесчисленного множества людей. История современного свободного рынка, которая, если выражаться точнее, представляет собой становление корпоративизма, написана при помощи шока.

Ставки в этой игре высоки. Альянсы корпораций готовы устранить последние преграды: закрытую нефтяную экономику арабского мира и те сферы западной экономики, которые долгое время были защищены от погони за прибылью, в частности ликвидация последствий катастроф и содержание армий. Поскольку не видно хотя бы и лицемерных попыток добиться согласия общества на приватизацию таких важных функций, будь то внутри страны или за границей, чтобы достичь этой цели, понадобятся рост насилия и еще более опустошительные катастрофы. Но ввиду того что решающая роль шока и кризисов столь успешно заретуширована в официальной истории становления свободного рынка, экстремистские тактики, применяемые в Ираке и Новом Орлеане, часто ошибочно принимают за отдельные случаи некомпетентности или кумовства Белого дома в период правления Буша. Но фактически деяния Буша представляют собой крайне жестокую и тщательно разработанную кульминацию полувековой борьбы за тотальное высвобождение корпораций из-под власти государства.

Любая попытка заявить, что именно идеология повинна в преступлениях ее приверженцев, требует огромной осторожности. Слишком легко думать, что люди, с которыми мы не согласны, не просто ошибаются, но являются приверженцами тирании, фашизма или геноцида. И тем не менее некоторые идеологии опасны для общества, и эту опасность следует распознать. Это закрытые фундаменталистские доктрины, которые не могут сосуществовать с другими мировоззрениями; их последователи сетуют по поводу разнообразия мнений и требуют полной свободы для практической реализации своей «совершенной системы». Мир в его нынешнем виде должен быть опустошен, чтобы освободить место для их «чистого» сознания. Укорененная в библейских образах Великого потопы и ужасающего огня, такая логика неизбежно ведет к насилию. Идеологии, которые жаждут недостижимого состояния «чистого листа», чего можно достичь лишь в результате катастрофы, относятся к весьма опасным.

Обычно именно крайне экстремистские религиозные или расистские идеи требовали стереть с лица земли целые народы и культуры, чтобы реализовать на практике свое без-

---

⁴⁴ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. Summer.

⁴⁵ Fox J. The Curious Capitalist // Fortune. 2006. November 16; Res H. 1089: Honoring the Life of Milton Friedman // House of Representatives, 109th Congress, 2nd Session. 2006. December 6; Ortiz J. State to Honor Friedman // Sacramento Bee. 2007. January 24; Sowell T. Freedom Man // Wall Street Journal. 2006. November 18.

упречное мировоззрение. После падения Советского Союза многие люди узнали о величайших преступлениях, совершенных во имя коммунизма. Советские архивы открылись для исследователей, которые подсчитывали погибших – в результате искусственного голода, трудовых лагерей или убийств. Это породило горячие споры по всему миру о том, насколько совершенные зверства объясняются идеологией, а не ее искажениями со стороны приверженцев, таких как Сталин, Чаушеску, Мао и Пол Пот.

«Именно воплотившийся коммунизм породил массовые репрессии, которые нашли свое высшее выражение в царстве террора, поддерживаемом государством, – пишет Стефан Куртуа, соавтор вызывающей споры “Черной книги коммунизма”. – Неужели идеология тут совершенно безгрешна?»⁴⁶ Разумеется, это не так. Из этого не следует, что любая форма коммунизма неизбежно влечет за собой геноцид, как радостно провозглашают некоторые, но именно интерпретация коммунистической теории – доктринерская, авторитарная и ненавидящая плюрализм – породила сталинские чистки и лагеря перевоспитания Мао. Авторитарный коммунизм навсегда запятнал себя позором в своих реальных лабораториях – и таковым должен остаться.

Но что можно сказать о современном крестовом походе за освобождение мировых рынков? Военные перевороты, войны и кровавые бои, в результате которых устанавливаются благоприятные для корпораций режимы, никогда не рассматривались как преступления капитализма, их приписывали экстремизму ретивых диктаторов, горячим сражениям на фронтах холодной войны, а теперь – войне с терроризмом. И когда самых горячих противников корпоративной экономической модели систематически устраняют, будь то Аргентина 70-х или Ирак сегодня, эти жестокие меры воспринимают как часть грязного сражения против коммунизма или терроризма – но никогда как часть борьбы за продвижение чистого капитализма.

Я не утверждаю, что все формы рыночной экономики несут в себе жестокость. Теоретически может существовать рыночная экономика, которая обходится без насилия и не требует подобной идеологической чистоты. Свободный рынок товаров массового потребления может сосуществовать с бесплатной системой здравоохранения, государственными школами, крупными сегментами экономики, например в виде национальной нефтяной компании, находящимися в руках государства. Равно можно требовать, чтобы корпорации достойно оплачивали труд и уважали право работников создавать профсоюзы, а государство взимало налоги и перераспределяло богатства, сглаживая жесткое неравенство, характерное для общества при корпоративизме. Однако рынок нельзя создать на основе фундаментализма.

После Великой депрессии Кейнс предложил именно такую смешанную модель регулируемой экономики, и этот переворот в государственной политике породил «Новый курс» и повлек за собой подобные преобразования по всему миру. Именно против такой системы компромиссов, сдержек и противовесов была направлена контрреволюция Фридмана, которая методично разрушала эту систему в одной стране за другой. И в этом аспекте вариант капитализма от чикагской школы действительно имеет нечто общее с опасными идеологиями: это характерное стремление к недостижимой чистоте, к «чистому листу», с которого можно начать созидание образцового общества.

Это стремление к богоподобной власти над всем творением прекрасно объясняет, почему идеологов свободного рынка так сильно привлекают кризисы и катастрофы. Реальность без апокалиптических событий просто неприемлема для их амбиций. На протяжении 35 лет контрреволюцию Фридмана вдохновляли свобода и возможности, доступные только

---

⁴⁶ Courtois S. et al. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* / Trans. J. Murphy, M. Kramer. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 2.

в периоды катастрофических перемен – когда люди с их неизменными привычками и устойчивыми требованиями отбрасываются в сторону, – в те моменты, когда демократия кажется практически неосуществимой.

Адепты доктрины шока убеждены, что только великие катаклизмы – потоп, война, террористический акт – могут создать широкое и чистое полотно, которое им так необходимо. Именно в такие моменты, когда нам психологически и физически не за что держаться, мы становимся особенно податливыми. И эти художники берут подготовленный материал в свои руки и начинают работу по переделке мира.

Часть первая

Два доктор-шока: исследование и развитие

Мы должны выжать тебя целиком, и тогда мы наполним тебя собою.

Джордж Оруэлл «1984»

Индустриальная революция была началом революции настолько экстремальной и радикальной, насколько такими были самые отчаянные замыслы, воспламенявшие умы фанатиков, но эти проблемы можно было разрешить только при наличии неограниченных материальных благ.

Карл Полаanyi «Великая трансформация»

Глава 1

Лаборатория пыток: Эвен Кэмерон, ЦРУ и маниакальная попытка начисто стереть и перекрыть человеческую психику

Их психика подобна чистому листу, на котором мы можем писать.

Доктор Сирил Дж. Кеннеди и доктор Дэвид Энчил о выгодах электросудорожной терапии, 1948 г.⁴⁷

Я пришел на скотобойню, чтобы понаблюдать за так называемым электрическим забоем, и увидел, что к вискам свиней прикрепляли металлические зажимы, на которые подавался электроток (125 вольт). Как только зажимы оказывались на их головах, свиньи теряли сознание, цепенели, а через несколько секунд судорожно тряслись так же, как собаки в наших экспериментах. В период потери сознания (эпилептическая кома) мясник наносил удар ножом и выпускал кровь из животных без затруднений.

Уго Черлетти, психиатр, описание «изобретенной» им электросудорожной терапии, 1954 г.⁴⁸

«Я больше не разговариваю с журналистами», – ответил напряженный голос на другом конце телефонной линии. А затем как бы приоткрылось крохотное окошко: «И чего вы хотите?»

Я понимала, что в моем распоряжении примерно 20 секунд на объяснения, и задача представлялась непростой. Как я объясню, что мне нужно от Гейл Кестнер, как расскажу о том, что привело меня к ней?

Правда показалась бы слишком странной: «Я пишу книгу о шоке. О том, как переживают шок страны – во время войны, террористических актов, переворотов и природных бед-

---

⁴⁷ Kennedy C.J., Anchel D. Regressive Electric-Shock in Schizophrenics Refractory to Other Shock Therapies // Psychiatric Quarterly 22. 1948. № 2. April. P. 318.

⁴⁸ Cerletti U. Electroshock Therapy // Journal of Clinical and Experimental Psychopathology and Quarterly Review of Psychiatry and Neurology 15. 1954. September. Pp. 192–193.

ствий. И о том, как после этого их заставляют пережить еще один шок – это делают корпорации и политики, использующие страх и замешательство, чтобы осуществить шоковую терапию. А затем людей, которые сопротивляются этой шоковой политике, подвергают в случае необходимости еще одному шоку в третий раз – с помощью полиции, солдат или допросов в тюрьме. И я хочу побеседовать с вами, потому что вы одна из немногих людей, переживших тайные эксперименты ЦРУ с электрошоком и другими “специальными техниками допроса”. Кроме того, у меня есть основания предполагать, что методы исследований 1950-х годов в Университете Макгилла, в которых вы были испытуемой, сейчас применяют к узникам Гуантанамо и Абу-Грейб».

Нет, разумеется, я не могла это сказать. Вместо этого я сообщила: «Недавно мне пришлось путешествовать по Ираку, и я пытаюсь понять, какую роль там играют пытки. Мне сказали, что они нужны для получения информации, но я думаю, это не все. Может быть, это связано с попыткой создать образцовую страну, а для этого они хотят опустошить человека, а затем переделать его с нуля?»

Наступила долгая пауза, а затем мне ответил несколько изменившийся голос (все еще напряженный, но... возможно, в нем было облегчение): «Вы точно выразили именно то, что ЦРУ и Эвен Кэмерон делали со мной. Они пытались меня стереть и переделать. Но у них ничего не вышло».

Не прошло и суток, как я стучалась в дверь квартиры Гейл Кестнер в мрачном доме для престарелых в Монреале. «Открыто», – произнес еле слышный голос. Гейл сказала, что оставит дверь открытой, потому что ей трудно вставать. Это травмы позвоночника, которые все сильнее дают о себе знать, потому что к ним добавился артрит. Боли в спине – одно из многих напоминаний о том, как 63 раза она получала разряды тока от 150 до 200 вольт, направленные на фронтальные доли мозга, при этом ее сотрясали страшные судороги, ставшие причиной переломов, растяжений, искусанных губ, сломанных зубов.

Гейл здороваётся со мной, сидя в голубом плюшевом кресле с откидывающейся спинкой. Как я узнала позднее, креслу можно придать 20 разных позиций, и Гейл постоянно их меняет, как фотограф в поисках фокуса. В этом кресле она проводит все свои дни и ночи, пытаясь найти удобное положение и избежать сна, о котором она говорит: «мои электрические сновидения». Во сне она видит «его»: доктора Кэмерона, давно уже скончавшегося психиатра, который назначал шоковую терапию, а также другие пытки, применявшиеся к ней много лет назад. «Прошлой ночью ко мне дважды являлось это ужасное чудовище, – заявила она, как только я вошла в комнату. – Не хочу вас ни в чем обвинять, но это из-за вашего совершенно неожиданного звонка и ваших вопросов».

Я начала думать, что, возможно, мой приход сюда – это несправедливость. И это ощущение усугубилось, когда, оглядев квартиру, я обнаружила, что тут нет для меня места. На всех свободных местах лежали огромные стопки статей и книг, как будто случайными грудами, но сложенные в согласии с какой-то внутренней логикой. Все книжки были помечены желтыми наклейками. Гейл указала мне на свободное место в комнате, где стоял незамеченный мною деревянный стул, но она на миг испугалась, когда я попыталась найти 10-сантиметровое пространство для моего диктофона. На приставном столике перед ней свободного места не было: там было не меньше 20 пустых пачек из-под сигарет Matinee Regular, выложенных в виде пирамиды. (Гейл предупредила меня по телефону, что она непрерывно курит: «Простите, но я курю. И плохо ем. Я толстая, и я курю. Надеюсь, вам это не помешает?») Сначала мне показалось, что Гейл покрыла обратную сторону сигаретных пачек черной краской, но, приглядевшись, я обнаружила, что там крохотными буквами написаны имена, числа, тысячи слов.

В течение дня, проведенного за беседой, Гейл часто, наклонившись, писала что-то на клочке бумаги или на пачке из-под сигарет: «Заметка для себя, – объясняла она, – или я

никогда этого не запомню». Груды бумаг и сигаретные пачки для Гейл не просто странная картотека. Это ее память.

На протяжении всей взрослой жизни Гейл ум ее подводил: факты мгновенно исчезали, воспоминания, если они там хранятся (многие – нет), были подобны моментальным снимкам, разбросанным по земле. Иногда она могла вспомнить какой-то случай совершенно отчетливо – это она называла «осколком воспоминаний», – но на вопрос о времени могла ошибиться на два десятка лет: «Это было в 1968 году. О нет, в 1983!» Поэтому она хранит этот каталог. Он доказывает, что она жила на самом деле. Сначала она извинялась за беспорядок. Но позднее сказала: «Он сделал это со мной. Эта комната – часть пытки!»

Много лет Гейл мучил вопрос о провалах в ее памяти, как и о других странностях. Она не могла, например, понять, почему слабый удар тока от устройства, открывающего гараж, вызвал у нее приступ неудержимой паники. Или почему ее руки дрожали, когда она подключала к розетке свой фен. Но прежде всего она не могла понять, почему может вспомнить почти все события своей взрослой жизни и почти ничего – из жизни до 20 лет. Когда ей приходилось встречаться с человеком, который говорил, что знает ее с детства, она отвечала ему фразой: «Я знаю, кто вы, но не могу точно припомнить, где мы встречались». Как она призналась: «Это было лукавство с моей стороны».

Гейл пришла к выводу, что все это – проявления ее нестабильного психического здоровья. Когда ей было 20–30 лет, она страдала депрессией и зависимостью от таблеток, иногда после нервных срывов она оказывалась в больнице в бессознательном состоянии. Из-за этого семья разорвала с ней отношения, так что Гейл осталась совершенно одна и иногда ей приходилось питаться отбросами, которые она находила в мусорных баках около продуктовых магазинов.

Но она смутно догадывалась, что нечто еще более страшное произошло раньше. До разрыва с семьей они с сестрой – однойцевым близнецом – часто говорили о времени, когда Гейл была в еще более тяжелом состоянии, так что Зелле приходилось за ней ухаживать. «Ты не можешь себе представить, что я пережила, – говорила Зелла. – Ты мочилась в комнатах, сосала палец и разговаривала по-детски. Ты даже попросила бутылочку моего ребенка. Вот с чем мне приходилось справляться!» Гейл не могла понять, как относиться к этим заявлениям своей сестры. Мочилась на пол? Требовала бутылочку своего племянника? Она ничего не помнила об этих странных поступках.

Ближе к 50 годам Гейл подружилась с женщиной по имени Джекоб, в котором нашла, по ее собственным словам, «родственную душу». Джекоб пережил холокост, и он также мучился из-за проблем с памятью. Джекоба, который умер уже более 10 лет назад, очень беспокоили забытые Гейл годы. «Должна быть причина, – говорил он об этих провалах. – Тут должна быть причина».

В 1992 году Гейл с Джекобом случайно проходили мимо киоска с газетами и увидели большой кричащий заголовок: «Эксперименты по промыванию мозгов: жертвам обязаны выплатить компенсацию». Гейл стала просматривать статью, и несколько фраз моментально бросились ей в глаза: «детская речь», «потеря памяти», «недержание». «Я сказала: “Джекоб, купи эту статью”». Они присели в ближайшем кафе и прочли невероятную историю о том, как в 1950-х годах Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов оплачивало эксперименты над пациентами психиатрической клиники, которые проводил один доктор из Монреаля. Этот доктор неделями держал испытуемых в состоянии сна и в изоляции, а затем назначал им огромные дозы электрошока, а также экспериментальные смеси лекарств, в том числе психоделик ЛСД и галлюциноген РСР⁴⁹, известный под названием «ангельская пыль». Эти опыты, в результате которых пациенты возвращались к

---

⁴⁹ РСР – психотропное средство, вызывающее нарушение мыслительного процесса. – *Примеч. ред.*

довербальному младенческому состоянию, проходили в Институте имени Аллана при Университете Макгилла под наблюдением руководителя доктора Эвена Кэмерона. О том, что Кэмерона финансировало ЦРУ, стало известно в конце 70-х в силу Закона о свободе доступа к информации, что вызвало специальные разбирательства в Сенате США. Девять бывших пациентов Кэмерона, объединившись, подали иск против ЦРУ и канадского правительства, которое также оплачивало исследования Кэмерона. В ходе долгого разбирательства юристы пациентов пришли к выводу, что эти эксперименты нарушили все законы медицинской этики. Пациенты обращались к Кэмерону с не самыми серьезными нарушениями психики: по поводу послеродовой депрессии, тревоги, даже с трудностями в браке, – и их использовали, не спрашивая их согласия и не ставя в известность, в качестве лабораторных животных, чтобы удовлетворить интерес ЦРУ, желавшего знать, как можно контролировать психику человека. В 1988 году ЦРУ пришлось выплатить 750 тысяч долларов девяти пострадавшим – на тот момент самая большая сумма, которая когда-либо была выплачена этой организацией. Четыре года спустя канадское правительство согласилось уплатить по 100 тысяч долларов в качестве компенсации каждому пациенту, который был вовлечен в эти эксперименты⁵⁰.

Кэмерон не только сыграл решающую роль в разработке современной американской техники пыток, его опыты также проливают свет на сокровенную логику капитализма катастроф. Подобно экономистам – адептам свободного рынка, которые убеждены, что лишь масштабные катастрофы, приносящие великое опустошение, могут подготовить почву для их «реформ», Кэмерон верил, что серия шоков, направленных на мозг человека, может опустошить сознание и стереть сложившиеся структуры психики, после чего можно выстроить новую личность на труднодостижимом иначе состоянии «чистого листа».

Гейл многие годы хранила на задворках памяти эту историю о ЦРУ и Университете Макгилла, не уделяя ей слишком много внимания, – она никогда не имела дела с Институтом Аллана. Но теперь, сидя рядом с Джекобом, она обратила внимание на рассказы пациентов о своей жизни – о провалах в памяти и возвращении в детское состояние. «Тогда я поняла, что эти люди должны были пройти через что-то, что прошла и я. И я сказала: “Джекоб, вот она – причина”».

Мастерская шока

Гейл обратилась в Институт Аллана с требованием предоставить ее медицинскую карту. Сначала ей ответили, что бумаги не сохранились, но в конце концов она их все-таки получила – все 138 страниц. Доктором, который имел право допустить ее к этим документам, был Эвен Кэмерон.

Письма, заметки и официальные медицинские документы содержали душераздирающую историю – о лишенной в 50-е годы свободы 18-летней девушке Гейл и о правительстве и врачах, злоупотреблявших своей властью. Записи начинаются с осмотра Гейл доктором Кэмероном при ее поступлении: блестящая по своим знаниям учащаяся школы медсестер в Макгилле, «до настоящего времени вполне уравновешенная личность», как описывает ее Кэмерон. Однако она страдает от тревоги, связанной, отмечает доктор, с плохим отношением к ней отца – «человека с глубокими нарушениями», который «регулярно совершает психологические нападения» на свою дочь.

Начальные записи отражают симпатию медсестер к Гейл, которая посвятила себя той же профессии, что и они, ее называют «веселой», «общительной» и «изящной». Но после нескольких месяцев, проведенных под их надзором и вне его, Гейл претерпевает радикаль-

---

⁵⁰ Foreman J. How CIA Stole Their Minds // Boston Globe. 1998. October 30; Bindman S. Brainwashing Victims to Get \$100000 // Gazette. Montreal. 1992. November 18.

ное изменение личности, что скрупулезно отражено в медицинской карте: через несколько недель она «демонстрирует детское поведение, выражает странные мысли и явно галлюцинирована и неадекватна». В записях указывается, что эта интеллигентная молодая женщина не способна досчитать до шести; она то «пытается манипулировать персоналом, враждебна и крайне агрессивна», то становится пассивной и апатичной и даже неспособна узнать своих родственников. Ее заключительный диагноз – «шизофрения... с яркими истерическими проявлениями» – куда серьезнее, чем «тревога», на которую она жаловалась при поступлении.

Эти изменения, без сомнения, имели прямое отношение к лечению, которое также описано в истории болезни Гейл: огромные дозы инсулина, которые вызывали коматозное состояние, странное сочетание возбуждающих и тормозящих средств, долгий сон под действием лекарств и сеансы электрошока, которые в восемь раз превышали обычные дозы, применявшиеся в терапии того времени.

Сестры не раз отмечают стремление Гейл убежать от врачей: «Пытается выбраться отсюда... заявляет, что с ней плохо обращаются... отказывается от сеанса электрошока после инъекций». Такое поведение всегда было поводом для очередной отправки ее в то место, которое младшие коллеги Кэмерона прозвали «мастерской шока»⁵¹.

В поисках «чистого листа»

Несколько раз перечитав историю своей болезни, Гейл Кестнер почувствовала себя археологом, который ведет раскопки собственной истории; она собирала и изучала все материалы, которые могли бы объяснить, что происходило с ней в госпитале. Она узнала, что Эвен Кэмерон, американец с шотландскими корнями, достиг вершины успеха в своей профессиональной деятельности: он был президентом Американской психиатрической ассоциации, президентом Канадской психиатрической ассоциации, а также президентом Всемирной психиатрической ассоциации. В 1945 году он был одним из трех американских психиатров, которых пригласили освидетельствовать на предмет психического здоровья Рудольфа Гесса на Нюрнбергском процессе⁵².

Когда Гейл начала в этом разбираться, Кэмерон уже давно умер, но оставил после себя десятки научных статей и лекций. Кроме того, появилось несколько книг, рассказывающих о том, как ЦРУ финансировало эксперименты по контролю над психикой, и эти работы содержали немало подробностей о взаимоотношениях Кэмерона с этой организацией⁵³.

Гейл все их прочитала, подчеркнув важные места, и составила хронологию событий, сопоставляя эти данные со своей историей болезни. Она узнала, что в начале 1950-х годов Кэмерон отказался от стандартного фрейдистского подхода «разговорной терапии» в попытке открыть «корневые причины» психических расстройств своих пациентов. Он мечтал не восстанавливать своих пациентов, но воссоздавать их при помощи метода, который он называл «управление психикой», по аналогии с тем, как человек управляет автомобилем⁵⁴.

Как видно из опубликованных им в то время статей, он считал, что можно научить пациентов новому, здоровому образу жизни только одним путем: нужно проникнуть в их психику и «сломать старые, патологические паттерны»⁵⁵. Первый шаг его метода – «избав-

---

⁵¹ Thomas G. *Journey into Madness*. New York: Bantam Books, 1989. P. 148.

⁵² Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA: Victims of Mind Control*. Washington, DC: American Psychiatric Press, 1990. Pp. 92, 99.

⁵³ Среди них: Collins A. *In the Sleeping Room* (удостоен премии генерал-губернатора); Marks J. *The Search for the Manchurian Candidate*; Schefflin A., Option E. Jr.'s. *The Mind Manipulators*; Bowart W. *Operation Mind Control*; Thomas G. *Journey into Madness*; Weinstein H. *A Father, a Son and the CIA* (написана психиатром, сыном одного из пациентов Кэмерона).

⁵⁴ Cameron D.E. *Psychic Driving* // *American Journal of Psychiatry* 112. 1956. № 7. Pp. 502–509.

⁵⁵ Cameron D.E., Pande S.K. *Treatment of the Chronic Paranoid Schizophrenic Patient* // *Canadian Medical Association Journal*

ление от модели поведения», при этом достигается потрясающий результат: возвращение психики к тому состоянию, когда она была, по словам Аристотеля, «дощечкой для письма, на которой еще ничего не написано», *tabula rasa*⁵⁶. Кэмерон полагал, что может достичь такого состояния, атакуя мозг с помощью всех известных средств, которые нарушают его нормальную работу, внезапно и все сразу. Это была настоящая война «шока и трепета» против психики.

К концу 1940-х электрошок завоевал популярность среди психиатров Европы и Северной Америки. Он вызывал меньше необратимых изменений, чем хирургическая лоботомия, и, как всем казалось, был эффективен: истерические пациенты становились спокойнее, а в некоторых случаях электрические разряды, по-видимому, делали человека разумнее. Но это были лишь отдельные наблюдения, и даже те врачи, которые работали с этой техникой, не могли найти научного объяснения ее действию.

Конечно, они знали и о побочных эффектах этой терапии. Никто не сомневался, что электроконвульсивная терапия может вызвать амнезию; это было основной жалобой подвергнутых такому лечению. Еще одно побочное действие, часто отмечаемое и тесно связанное с потерей памяти, это регрессия. Десятки клинических наблюдений показывали, что сразу после такого лечения пациенты сосали пальцы, лежали в эмбриональной позе, ели с ложечки и звали к себе маму (часто ошибочно принимая врачей и сестер за родителей). Эти явления быстро проходили, но в отдельных случаях, когда применялись сильные дозы шока, наступала полная регрессия, так что пациент терял способность ходить и разговаривать. Мэрилин Райс, экономист, которая в середине 70-х годов стояла во главе движения за права пациентов, отказывающихся от электроконвульсивной терапии, в ярких красках описывала состояние, когда ее воспоминания и жизненный опыт были стерты с помощью электрошока: «Теперь я знаю, как должна была чувствовать себя Ева, которая была создана взрослой из чужого ребра, без какой-либо предыстории. Я чувствую себя столь же пустой, как Ева»⁵⁷.

Для Райс и других пациентов такая опустошенность представляла собой незаменимую потерю. Однако Кэмерон видел в этом состоянии пустоты нечто иное: чистый лист, на котором можно написать новые поведенческие паттерны. Для него «масштабная потеря всех воспоминаний» в результате интенсивного применения электрошока была не дурным побочным эффектом, но важнейшим этапом лечения, который может вернуть пациента к ранним стадиям развития «задолго до того, как шизофреническое мышление и поведение начали проявляться»⁵⁸. Как военные ястребы, призывавшие «вбомбить» некоторые страны «обратно в каменный век», Кэмерон видел в шоковой терапии средство вернуть своих пациентов назад, к их младенчеству, вызвать у них полную регрессию. В 1962 году он написал статью, где описано то состояние, к которому он хотел бы привести пациентов вроде Гейл Кестнер: «Это не только потеря восприятия пространства и времени, но также утрата того ощущения, что они должны быть. На этой стадии у пациента наблюдаются также и многие другие явления, такие как утрата второго языка или представлений о своем браке. В более глубоких случаях они не в состоянии ходить без поддержки, самостоятельно принимать пищу, а также у них появляется недержание мочи и кала... Все аспекты функции памяти сильно нарушены»⁵⁹.

---

78. 1958. January 15. P. 95.

⁵⁶ Aristotle. On the Soul. Book III // Aristotle. Great Books of the Western World. Vol. 8 / Ed. M.J. Adler, trans. W.D. Ross. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952. P. 662.

⁵⁷ Rouché B. As Empty as Eve // The New Yorker. 1974. September 9. Даже сегодня, когда электросудорожная терапия, став гораздо безопаснее и комфортабельнее для пациента, превратилась в почтенный и нередко эффективный метод лечения психозов, ее частым побочным осложнением остается временная потеря памяти. А некоторые пациенты утверждают, что у них нарушена и долговременная память.

⁵⁸ Cameron D.E. Production of Differential Amnesia as a Factor in the Treatment of Schizophrenia // Comprehensive Psychiatry 1. 1960. № 1. Pp. 32–33.

⁵⁹ Cameron D.E., Lohrenz J.G., Handcock K.A. The Depatterning Treatment of Schizophrenia // Comprehensive Psychiatry

Чтобы «очистить от паттернов» своих пациентов, Кэмерон использовал новое устройство конструкции Пейджа – Расселла, которое позволяло подавать шесть последовательных разрядов тока вместо одного. Досадая, что его пациенты все еще цепляются за остатки своей личности, доктор использовал для углубления дезориентации различные стимуляторы, депрессанты и галлюциногены: аминазин, барбитураты, амитал, закись азота, амфетамины, секонал, нембутал, веронал, меликон, хлорпромазин, ларгактил и инсулин. В 1956 году Кэмерон писал, что эти средства позволяют «растормозить его [пациента], так что его защита может быть ослаблена»⁶⁰.

Когда «полная очистка от паттернов» достигнута и прежняя личность успешно устранена, можно начинать управление психикой. Оно заключалось в том, что Кэмерон проигрывал своим пациентам магнитофонные записи такого рода: «Ты прекрасная мать и жена, и люди рады тебя видеть». Психиатр-бихевиорист, он верил, что если заставит своих пациентов принять эти мысли, записанные на пленку, те начнут вести себя иначе⁶¹.

Пациенты, пережившие шок и накачанные лекарствами, становились настоящими «овощами», так что им приходилось выслушивать эти внушения от 16 до 20 часов в сутки; однажды Кэмерон проигрывал эти записи в течение 101 дня непрерывно⁶².

В середине 50-х годов некоторые исследователи из ЦРУ заинтересовались методами Кэмерона. В то время уже начиналась истерия холодной войны, и Центральное разведывательное управление изучало «специальные техники допроса». Рассекреченная служебная записка ЦРУ объясняет, что программа была посвящена «исследованию разнообразных необычных техник допроса, включая действия, вызывающие психологический дискомфорт, а также применение таких методов, как “полная изоляция” и “использование лекарственных и других химических средств”»⁶³. Сначала проект получил кодовое название Project Bluebird, а затем Project Artichoke, а в 1953 году был переименован в MKUltra. В течение последующего десятилетия на проект MKUltra было потрачено 25 миллионов долларов. Он ставил перед собой цель найти новые способы «расколоть» заключенных, которые могли оказаться коммунистами или двойными агентами. В реализации программы участвовало 80 организаций, в том числе 44 университета и 12 больниц⁶⁴.

Участники проекта с легкостью генерировали многочисленные идеи относительно того, как извлечь информацию из людей, которые не хотят ею делиться; проблема заключалась лишь в том, где опробовать эти идеи на практике. Деятельность участников проектов Bluebird и Artichoke в первые годы напоминала трагикомические шпионские фильмы: агенты ЦРУ гипнотизировали друг друга или незаметно подливали ЛСД в чашку коллеги, чтобы понаблюдать за эффектом (в одном случае таким эффектом стало самоубийство) – если не упоминать пытки людей, подозреваемых в шпионаже в пользу России⁶⁵.

Подобные тесты больше походили на глупые проказы в кругу своих, чем на серьезное исследование, и их результаты не представляли никакой научной ценности для ЦРУ.

---

3. 1962. № 2. P. 67.

⁶⁰ Cameron D.E. *Psychic Driving*, pp. 503–504.

⁶¹ Если бы Кэмерон не занимал такого серьезного положения в профессиональной сфере, его «формирующие психику» записи были бы отвергнуты как шарлатанство. Он позаимствовал эту идею из рекламы так называемого цереброфона – магнитофона с динамиками в подушке, который представляли «революционным методом обучения иностранному языку во время сна».

⁶² Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA*, p. 120; Thomas G. *Journey into Madness*, p. 129.

⁶³ Memorandum for the Record, Subject: Project ARTICHOKE // Central Intelligence Agency. 1975. January 31, www.gwu.edu/~nsarchiv.

⁶⁴ McCoy A.W. *Cruel Science: CIA Torture & Foreign Policy* // *New England Journal of Public Policy* 19. 2005. № 2. Winter. P. 218.

⁶⁵ McCoy A.W. *A Question of Torture: CIA Interrogation, from the Cold War to the War on Terror*. New York: Metropolitan Books, 2006. Pp. 22, 30.

Для этого нужно было огромное количество испытуемых. Несколько подобных исследований были проведены, но это было очень рискованно: если бы мир узнал, что ЦРУ испытывает опасные средства на американской территории, это могло бы привести к закрытию программы⁶⁶. Именно в этот момент ЦРУ обратило внимание на канадских исследователей. Отношения с последними были установлены уже 1 июня 1951 года на встрече представителей трех стран (США, Канада, Великобритания) с участием служб разведки и ученых в монреальском отеле «Риц-Карлтон». Мотивом этой встречи была растущая озабоченность западных разведок относительно коммунистического мира, где, как полагали, были разработаны техники «промыывания мозгов», которые применяются к военнопленным. Об этом свидетельствовал тот факт, что американские солдаты, попавшие в плен в Корею, выступали перед камерами – по-видимому, добровольно, – проклиная капитализм и империализм. Согласно рассекреченным протоколам этой встречи присутствующие – Омонд Солендт, глава канадского Научного совета по обороне, сэр Генри Тизард, возглавляющий Британский комитет по оборонной политике, а также двое представителей ЦРУ – были уверены, что Запад должен срочно узнать, каким образом коммунисты добиваются того, что пленные выступают с публичными исповедями. И первым шагом программы должны были стать «клинические исследования реальных случаев», чтобы понять, как может действовать «промыывание мозгов»⁶⁷. Согласно официальной цели этих исследований власти Запада не собирались применять техники контроля над психикой к заключенным в своих тюрьмах, но хотели подготовить западных солдат к сопротивлению любым техникам принуждения, с которыми они могли столкнуться, оказавшись в плену.

Разумеется, у ЦРУ были и другие интересы. Но даже на закрытых встречах, подобных этой, было невозможно – вскоре после того, как весть о пытках, применяемых нацистами, глубоко возмутила весь мир, – открыто признать, что ЦРУ стремится разработать собственные альтернативные методики допроса.

Среди присутствующих на встрече в отеле «Риц» был и доктор Дональд Хебб, возглавлявший психологическое направление в Университете Макгилла. Согласно рассекреченным документам Хебб, пытаясь объяснить тайну публичных исповедей военнопленных, высказал гипотезу, что коммунисты для обретения контроля над психикой узников, возможно, помещают их в условия полной изоляции и блокируют доступ сигналов к их органам чувств. Эти слова произвели впечатление на руководителей разведывательных органов, и три месяца спустя Хебб получил грант на проведение ряда секретных исследований состояния сенсорной депривации от Министерства обороны Канады. Хебб работал с группой из 63 студентов Университета Макгилла: каждый испытуемый, получавший по 20 долларов в день, был помещен в закрытую комнату и носил черную повязку на глазах, наушники, в которых звучал белый шум, и картонные трубки, прикрывавшие руки, чтобы ограничить тактильные ощущения. В течение суток студенты плавали в океане пустоты, где глаза, уши и руки не могли помочь им сориентироваться, и они погружались в мир грез, который становился все ярче. Чтобы проверить, насколько сенсорная депривация увеличивает податливость испытуемых «промыыванию мозгов», Хебб стал проигрывать им записи с разговорами о существовании

---

⁶⁶ Некоторым людям на этой стадии исследований не по своей воле пришлось принимать ЛСД. В их числе оказались военнопленные из Северной Кореи, группа пациентов, получавших медикаменты в лечебном центре в Лексингтоне (штат Кентукки), 7000 американских солдат на базе химического вооружения Иджвуд в Мэриленде и обитатели тюрьмы Вейкавилль в Калифорнии. Там же, pp. 27, 29.

⁶⁷ «Найденные в архивах анонимные заметки, написанные от руки, позволяют идентифицировать доктора Кэрилла Хэскинса и командера Р. Дж. Уильямса как представителей ЦРУ на этой встрече». Vienneau D. Ottawa Paid for '50s Brainwashing Experiments, Files Show // Toronto Star. 1986. April 14; Minutes of June 1, 1951, Canada/US/UK Meeting Re: Communist «Brainwashing» Techniques during the Korean War // Meeting at Ritz-Carlton Hotel, Montreal. 1951. June 1. P. 5.

привидений или о том, что наука представляет собой сплошной обман, и им внушали идеи, которые вызывали возражения студентов до начала эксперимента⁶⁸.

В секретном отчете Научного совета по обороне об этом эксперименте сделаны выводы, что сенсорная депривация порождала замешательство и вызывала галлюцинации у студентов, участвовавших в исследовании, и «во время и вскоре после периода сенсорной депривации возникает выраженное временное снижение интеллекта»⁶⁹. Более того, голод испытуемых по стимулам делал их неожиданно восприимчивыми к идеям, которые они слышали через наушники, и некоторые из них после эксперимента заинтересовались оккультизмом, причем этот интерес сохранялся и в течение нескольких недель после завершения эксперимента. Похоже, что замешательство, вызванное сенсорной депривацией, частично опустошало их психику, а затем с помощью сенсорных стимулов на чистом листе можно было создать новые паттерны.

Одна копия документа об исследовании Хебба была направлена в ЦРУ, кроме того, 41 копию получил Военно-морской флот США и 42 копии – сухопутные войска США⁷⁰. ЦРУ непосредственно наблюдало за экспериментом через одного из испытуемых, студента Мейтленда Болдуина, который обо всем информировал американцев в тайне от своего научного руководителя⁷¹. Такое пристальное внимание ЦРУ к эксперименту не удивительно: по меньшей мере, Хебб доказал, что длительная изоляция влияет на умственные способности и делает людей податливыми к внушению, а это – бесценная идея для любого допрашивающего. В итоге Хебб понял, что его исследование содержит огромные возможности не только для разработки защиты попавших в плен солдат от «промывания мозгов», но и для создания практического руководства по психологическим пыткам. В своем последнем интервью Хебб, умерший в 1985 году, говорил: «Когда мы готовили отчет для Научного совета по обороне, нам было ясно, что мы описываем мощные техники допроса»⁷².

Как зафиксировано в отчете Хебба, четверо подопытных «спонтанно сообщили, что пребывание в изоляции было для них чем-то вроде пытки»; это означало, что принуждать их оставаться в этой комнате дольше, чем они могут вынести, – два или три дня – было бы нарушением медицинской этики. Осознавая неизбежность подобных ограничений для эксперимента, Хебб писал, что более «точные результаты» недостижимы, потому что «невозможно принудить испытуемых провести по 30–60 дней в условиях изоляции»⁷³.

Что было невозможно для Хебба, было вполне возможно для его коллеги по институту и главного соперника на академическом поле – доктора Эвена Кэмерона. (Позднее Хебб, удалившийся от науки, называл Кэмерона «преступным тупицей»⁷⁴.) Кэмерон уже пришел к убеждению, что решительное разрушение психики пациента – это необходимый первый шаг на пути к психическому здоровью, а потому не является нарушением клятвы Гиппократата. Что же касается юридической стороны дела, то пациенты находились в полном распоряжении Кэмерона: стандартное соглашение наделяло доктора абсолютной властью, вплоть до проведения фронтальной лоботомии.

Хотя Кэмерон поддерживал контакт с ЦРУ уже многие годы, впервые он получил грант от Управления в 1957 году – через подставную организацию под названием Общество по

---

⁶⁸ Hebb D.O., Heron W., Bexton W.H. Annual Report // Contract DRB X38. Experimental Studies of Attitude. 1953.

⁶⁹ Defense Research Board Report to Treasury Board. 1954. August 3, p. 2 declassified.

⁷⁰ Distribution of Proceedings of Fourth Symposium. Military Medicine. 1952, declassified.

⁷¹ Kashmeri Z. Data Show CIA Monitored Deprivation Experiments // Globe and Mail. Toronto. 1984. February 18.

⁷² Kaohmeri. Z. Data Shon CIA Monitored Deprivation Experiments.

⁷³ Hebb D.O., Heron W., Bexton W.H. Annual Report // Contract DRB X38, pp. 1–2.

⁷⁴ O'Neill J. Brain Washing Tests Assailed by Experts // Globe and Mail. Toronto. 1986. November 27.

исследованию экологии человека⁷⁵. И как только доллары ЦРУ стали поступать в Институт Аллана, это заведение все меньше напоминало госпиталь и все больше походило на мрачную темницу.

Прежде всего значительно выросли объемы применяемых электрошоков. Двое психиатров, придумавших весьма спорный прибор Пейджа – Расселла для электрошоковой терапии, рекомендовали проводить по четыре сеанса для каждого пациента, что в сумме составляло 24 отдельных шока⁷⁶. Кэмерон же назначал своим пациентам по два сеанса в сутки на протяжении месяца, так что один пациент получал ужасающее количество ударов – 360, что намного превосходило объемы лечения, которое пациенты, подобные Гейл, получали ранее⁷⁷. Если больным ранее назначали оглушительное количество медикаментов, теперь к ним добавились новые психотропные средства, весьма интересовавшие ЦРУ: ЛСД и РСР.

Доктор взял на вооружение и другие средства для опустошения мозга: сенсорную депривацию и продолжительный сон, комбинацию воздействий, которая, как он уверял, позволяет «уменьшить сопротивление индивида» и делает его гораздо более податливым к внушениям, записанным на пленку⁷⁸. Когда в его распоряжении оказались доллары ЦРУ, Кэмерон использовал эти средства, чтобы перестроить старые конюшни рядом с госпиталем и превратить их в звуконепроницаемые комнаты. Кроме того, он оборудовал в подвале комнату, названную им «палатой изоляции»⁷⁹. Он сделал эту комнату звуконепроницаемой, в ней постоянно звучал белый шум и было выключено электрическое освещение; каждый пациент получал темную повязку на глаза и «резиновые затычки» для ушей, а также картонные трубки на руки от кистей до плеч, «чтобы он не мог прикоснуться к своему телу – и таким образом можно было бы воздействовать на его собственный образ», как писал Кэмерон в статье 1956 года⁸⁰. Испытуемые в эксперименте Хебба не могли выдержать менее серьезных условий сенсорной депривации на протяжении двух суток, в то время как Кэмерон держал своих пациентов в изоляции на протяжении недель, а одному из них пришлось провести в изоляционной палате 35 дней⁸¹.

Кэмерон усугублял сенсорный голод своих пациентов в так называемой комнате сна, где они, накачанные лекарствами, проводили от 20 до 22 часов в сутки; сестры лишь переворачивали больных каждые два часа, чтобы избежать пролежней, и будили их только для еды и посещения туалета⁸². В таком состоянии пациента держали от 15 до 30 дней, хотя, как писал Кэмерон, «некоторые пациенты провели в состоянии непрерывного сна до 65 суток»⁸³. От персонала госпиталя требовалось не позволять пациентам разговаривать и не передавать им информацию о том, как долго придется находиться в этой комнате. Чтобы никто не мог вырваться из подобного кошмара, Кэмерон назначил одной группе пациентов малые дозы яда кураре, вызывающего паралич, так что они в буквальном смысле слова превратились в узников, заключенных в темнице своего тела⁸⁴.

---

⁷⁵ Thomas G. *Journey into Madness*, p. 103; Marks J.D. *The Search for the Manchurian Candidate: The CIA and Mind Control*. New York: Times Books, 1979. P. 133.

⁷⁶ Russell R.J., Page L.G.M., Jillett R.L. *Intensified Electroconvulsant Therapy* // *Lancet*. 1953. December 5. P. 1178.

⁷⁷ Cameron D.E., Lohrenz J.G., Handcock K.A. *The Depatterning Treatment of Schizophrenia*, p. 68.

⁷⁸ Cameron D.E. *Psychic Driving*, p. 504.

⁷⁹ Thomas G. *Journey into Madness*, p. 180.

⁸⁰ Cameron D.E. et al. *Sensory Deprivation: Effects upon the Functioning Human in Space Systems* // *Symposium on Psychophysiological Aspects of Space Flight* / Ed. B.E. Flaherty. New York: Columbia University Press, 1961. P. 231; Cameron D.E. *Psychic Driving*, p. 504.

⁸¹ Marks J.D. *The Search for the Manchurian Candidate*, p. 138.

⁸² Cameron D.E., Pande S.K. *Treatment of the Chronic Paranoid Schizophrenic Patient*, p. 92.

⁸³ Cameron D.E. *Production of Differential Amnesia as a Factor in the Treatment of Schizophrenia*, p. 27.

⁸⁴ Thomas G. *Journey into Madness*, p. 234.

В статье, написанной в 1960 году, Кэмерон говорит, что есть «два важнейших фактора», которые позволяют нам «управлять образами времени и пространства», другими словами, позволяют осознавать, где мы и кто мы такие. Это: «(а) постоянное поступление сенсорных стимулов и (б) наша память». С помощью электрошока Кэмерон мог разрушить память, а с помощью изоляции – устранить поступление сенсорных импульсов. Он пытался добиться, чтобы пациент полностью потерял представление о времени и пространстве. Заметив, что некоторые пациенты пытаются следить за временем по расписанию приемов пищи, Кэмерон распорядился, чтобы кухня работала беспорядочно, подавала еду в разные часы или предлагала пациентам суп на завтрак или овсянку на обед. «Меняя расписание приема пищи и меню относительно ожидаемого, мы могли лишить пациентов возможности ориентироваться», с удовлетворением замечал Кэмерон. Но несмотря на эти меры и усилия, одна пациентка сохраняла связь с внешним миром, следя за «крайне слабым гулом» самолета, который пролетал над госпиталем ежедневно в девять часов⁸⁵.

Человеку, знакомому с показаниями людей, переживших пытки, эта деталь покажется вопиюще красноречивой. Когда бывших заключенных спрашивают, как они могли прожить месяцы и годы в условиях изоляции и грубого обращения, они часто рассказывают, как им помогал колокольный звон церкви, или призыв муллы к молитве, или голоса детей, играющих в соседнем парке. Когда жизнь сужена до четырех стен тюремной камеры, ритм этих звуков извне поддерживает связь с жизнью, он доказывает узнику, что тот остается человеком и по ту сторону пыток существует мир. «Четыре раза я слышала голоса птиц на рассвете – так я поняла, что прошло четыре дня», – рассказывала женщина, перенесшая тяжелые испытания при последнем диктаторском режиме в Уругвае⁸⁶. Безымянная женщина, которая в подвале Института Аллана ловила звук пролетающего самолета сквозь завесу мрака, лекарств и электрошока, была вовсе не пациенткой на попечении доктора; учитывая все обстоятельства этого эксперимента, она была заключенной, которую пытаются.

Многое доказывает, что Кэмерон прекрасно отдавал себе отчет в своей деятельности: он воспроизводил ситуацию пыток. Стойкий антикоммунист, он думал, что его работа с пациентами является важным вкладом в сражения на фронтах холодной войны. В интервью для популярного журнала в 1955 году он открыто сравнил своих пациентов с военнопленными на допросах, заметив, что первые, «подобно узникам коммунистов, стараются сопротивляться терапии и что это сопротивление надо сломить»⁸⁷. Год спустя он писал, что задачей «очистки от паттернов» является «настоящее “изнашивание” защит», добавив, что «аналогичное состояние переживает человек при постоянных допросах»⁸⁸. В 1960 году Кэмерон выступал с лекциями о своих исследованиях сенсорной депривации не только перед психиатрами, но и перед военными. Во время выступления на базе военно-воздушных сил в Бруксе (Техас) он и не пытался утверждать, что лечит шизофрению, более того, он признал, что сенсорная депривация «порождает первичные симптомы шизофрении»: галлюцинации, сильную тревогу, ощущение потери контакта с реальностью⁸⁹. В своих записях к этой лекции он упоминает сенсорную депривацию с «перегрузками на входе», обращаясь к своему опыту использования электрошока и бесконечных повторов магнитофонных записей, и это было предзнаменованием скорого появления новых методов допросов⁹⁰.

---

⁸⁵ Cameron D.E. et al. *Sensory Deprivation*, pp. 226, 232.

⁸⁶ Weschler L. *A Miracle, a Universe: Settling Accounts with Torturers*. New York: Pantheon Books, 1990. P. 125.

⁸⁷ Это интервью было опубликовано в канадском журнале *Weekend*; цит. по: Thomas G. *Journey into Madness*, p. 169.

⁸⁸ Cameron D.E. *Psychic Driving*, p. 508.

⁸⁹ Выдвинув этот тезис, Кэмерон процитировал в его поддержку другого исследователя, Нормана Розенцвейга. Cameron D.E. et al. *Sensory Deprivation*, p. 229.

⁹⁰ Weinstein H.M. *Psychiatry and the CIA*, p. 222.

Работу Кэмерона до 1961 года финансировало ЦРУ, и долгое время оставалось неясным, что же правительство США намерено делать с полученными результатами. В конце 70-х и в 80-е годы, когда роль ЦРУ в проведении этих экспериментов была раскрыта на слушаниях в Сенате и вслед за этим пациенты подали иск против Управления, журналисты и конгрессмены склонились к тому, чтобы принять предложенную ЦРУ версию событий, что эти исследования были направлены на изучение техник «промывания мозгов» и защиты от них пленных американских солдат. Внимание прессы преимущественно привлекал сенсационный факт, что правительство финансировало применение наркотиков. Фактически, когда разразился скандал, ЦРУ и Эвена Кэмерона обвиняли в том, что эти эксперименты испортили людям жизнь, в чем не было ни малейшей необходимости: эти исследования не имели никакого практического значения, поскольку все уже знали, что «промывание мозгов» было одним из мифов холодной войны. Со своей стороны ЦРУ активно поддерживало эту версию, предпочитая выставить себя клоунами, увлекшимися научной фантастикой, но не признаваться в том, что они финансировали лабораторию пыток в престижном университете, – и имели на то свои резоны. Когда психологу ЦРУ Джону Гиттингеру, который первым вступил в контакт с Кэмероном, пришлось давать показания на совместном слушании в Сенате, он назвал поддержку Кэмерона «глупейшей ошибкой... ужасающей ошибкой»⁹¹. Когда перед Сенатом предстал бывший директор проекта MKUltra Сидни Готтлиб и его попросили объяснить, почему он отдал приказ об уничтожении всех документов, касающихся программы стоимостью 25 миллионов долларов, тот ответил, что «проект MKUltra не принес каких-либо ценных для Управления результатов»⁹². Как в разоблачениях 1980-х годов проекта MKUltra, так и в отчетах об официальных расследованиях, публикациях ведущих газет и книгах эти эксперименты описываются как попытки установления «контроля над сознанием» и «промывания мозгов». Слово «пытка» при этом почти не употребляется.

Наука страха

В 1988 году газета *New York Times* предприняла сенсационное расследование участия США в пытках и политических убийствах в Гондурасе. Флоренсио Кабальеро, следователь печально известного своей жестокостью гондурасского батальона 3-16, рассказал газете, что он вместе с 24 коллегами был послан в Техас на курсы, организованные ЦРУ. «Они учили нас психологическим методам – выявлению страхов и слабостей заключенного. Заставляйте его стоять, не давайте ему спать, держите его голым в одиночке, в камере с крысами и тараканами, давайте ему скверную пищу, кормите его дохлятиной, обливайте холодной водой, меняйте температуру». Но он не упомянул еще об одном способе: электрошоке. Об этом рассказала газете *New York Times* Инес Мурильо, 24-летняя узница, которую «допрашивали» Кабальеро и его коллеги: ее столько раз пытали электрическим током, что она «страшно кричала и падала от шока. Крики просто вырываются из тебя. Я почувствовала запах дыма и поняла – это горит мое тело, сожженное электрическим током. Они говорили, что будут меня пытать, пока я не сойду с ума. Я им не верила. Но затем они развели мои ноги и приложили провода к гениталиям»⁹³. Мурильо также сказала, что в комнате присутствовал кто-то еще: американец, задававший вопросы ее мучителям; они называли его «мистером Майком»⁹⁴.

---

⁹¹ Project MKUltra. The CIA's Program of Research in Behavioral Modification // Joint Hearings Before the Select Committee on Intelligence and the Subcommittee on Health and Scientific Research of the Committee on Human Resources. United States Senate, 95th Congr., 1st Sess. 1977. August 3. Цит. по: Weinstein H.M. Psychiatry and the CIA, p. 178.

⁹² Там же, p. 143.

⁹³ LeMoyné J. Testifying to Torture // *New York Times*. 1988. June 5.

⁹⁴ Harbury J. Truth, Torture and the American Way: The History and Consequences of U.S. Involvement in Torture. Boston: Beacon Press, 2005. P. 87.

Эти разоблачения повлекли за собой слушания в специальном комитете Сената по разведке, где заместитель директора ЦРУ Ричард Штольц подтвердил, что «Кабальеро действительно прошел в ЦРУ курс «по работе с человеческими ресурсами, то есть по ведению допросов»⁹⁵. Газета *Baltimore Sun* потребовала на основании Закона о свободе доступа к информации предоставить материалы, при помощи которых готовились такие люди, как Кабальеро. Долгие годы ЦРУ отказывалось выполнить это требование; наконец, под угрозой судебного иска, через девять лет после того, как была предана огласке эта история, ЦРУ предъявило брошюру под названием «Допрос в контрразведке, методика Kubark». Название уже представляло собой шифровку: слово «Kubark» представляет собой, по мнению газеты *New York Times*, «криптоним, где KU – редкое сочетание двух букв, а BARK – кодовое название самого Управления в то время». По другой версии, «ku» указывает на «страну, или конкретную нелегальную организацию, или секретную деятельность»⁹⁶. Это секретное руководство на 128 страницах по «допросам сопротивляющихся источников» во многом основано на результатах программы MKUltra, причем влияние выводов и заключений как Эвена Кэмерона, так и Дональда Хебба чувствуется на многих его страницах. Руководство включает разнообразные методики: от сенсорной депривации, стресса, применения непрозрачного капюшона до использования боли. (В руководстве изначально признано, что многие из этих техник противоречат закону, поэтому допрашивающему советуют «предварительно заручиться согласием высшего начальства... при любом из перечисленных обстоятельств: 1) если надо нанести телесные повреждения; 2) если для достижения сотрудничества используются медицинские, химические, электрические методы или материалы»⁹⁷.)

Наставление подготовлено в 1963 году, в последний год осуществления программы MKUltra и через два года после завершения экспериментов Кэмерона, проплаченных ЦРУ. Как уверяет это наставление, при правильном применении описанных техник сопротивление источника информации будет сломлено, а «его способность сопротивляться – подавлена». Вот, оказывается, какая именно цель стояла перед программой MKUltra: не изучение «промывания мозгов» (это было лишь одной стороной программы), но разработка научно обоснованной системы извлечения информации из «сопротивляющегося источника»⁹⁸, другими словами, разработка системы пыток.

С первых страниц этот учебник заверяет, что в нем описываются методики допроса, основанные на «обширных исследованиях, в том числе научных, которые проводили специалисты по смежным областям знаний». Это наставление представляет новую эпоху – точной и усовершенствованной пытки, в отличие от кровавых и малоэффективных мучений, применявшихся испанской инквизицией. В своеобразном предисловии к этому руководству сказано: «Служба разведки, вооруженная адекватными современными знаниями для решения встающих перед ней проблем, имеет огромные преимущества перед службой, использующей нелегальные методы XVIII века... и сегодня уже невозможно всерьез говорить о допросе, не ссылаясь на научные исследования последнего десятилетия». Далее следует практическое наставление по опустошению личности.

---

⁹⁵ Transcript of Proceedings before the Select Committee on Intelligence: Honduran Interrogation Manual Hearing // Senate Select Committee on Intelligence. 1988. June 16. Box 1 CIA Training Manuals. Folder: Interrogation Manual Hearings. National Security Archives. Цит. по: McCoy A.W. A Question of Torture, p. 96.

⁹⁶ Weiner T. Interrogation, C.I.A.-Style // *New York Times*. 1997. February 9; Kleinman S.M. KUBARK Counterintelligence Interrogation Review: Observations of an Interrogator, February 2006 // Intelligence Science Board, Educating Information. Washington DC: National Defense Intelligence College, December 2006. P. 96.

⁹⁷ Kubark Counterintelligence Interrogation // Central Intelligence Agency. 1963. July. Pp. 1, 8. Рассекреченное руководство полностью доступно в Архиве национальной безопасности, www.gwu.edu/~nsarchiv.

⁹⁸ Там же, pp. 1, 38.

Большой раздел руководства посвящен сенсорной депривации со ссылкой на «эксперименты, проведенные в Университете Макгилла»⁹⁹. За описанием устройства камеры для изоляции следует замечание: «Блокада притока внешних раздражителей порождает регрессию, поскольку психика субъекта лишена контакта с внешним миром, а потому вынужденно обращается на себя. В то же время дозированное применение информации и стимулов в момент допроса заставляет субъекта в состоянии регрессии относиться к допрашивающему как к отцовской фигуре»¹⁰⁰. Благодаря Закону о свободе доступа к информации стал доступным усовершенствованный вариант этого наставления, впервые изданный в 1983 году и применявшийся в странах Латинской Америки. Там, например, говорится: «Окна должны располагаться на достаточной высоте с возможностью полного прекращения доступа света»¹⁰¹.

Случилось именно то, чего боялся Хебб: сенсорная депривация стала использоваться в качестве «высокоэффективной техники допроса». Но сама суть метода Kubark прямо связана с трудами Кэмерона, который рекомендовал разрушать «восприятие времени-пространства». В руководстве описано несколько техник, отточенных на пациентах в подвале Института Аллана. «Принципиально важно строить сеансы таким образом, чтобы нарушить чувство хронологической упорядоченности у источника информации. . . Иногда допрашиваемых можно ввести в регрессию с помощью постоянных манипуляций со временем, подводя часы вперед или назад, подавая еду случайным образом: через 10 минут или 10 часов после предыдущего приема пищи. Нужно нарушить представление о времени»¹⁰².

Но сильнее всего воображение авторов метода Kubark захватывали не столько отдельные техники, сколько внимание Кэмерона к состоянию регрессии – его мысль о том, что, лишая человека представлений, кто он такой и где находится во времени и в пространстве, взрослого можно превратить в зависимого ребенка, ум которого – чистый лист, податливый для любых внушений. Снова и снова авторы руководства возвращаются к этой теме: «Все применяемые техники, которые позволяют вывести допрос из тупика, весь их спектр – от простой изоляции до гипноза и наркоза – по сути ускоряют процесс регрессии. Когда допрашиваемый переходит от состояния зрелости к более инфантильному состоянию, его структура личности, созданная в процессе обучения, ослабевает». Иными словами, когда узник переживает состояние психологического шока или приостановки жизненных функций, о котором говорилось выше, наступает блаженный момент для палача, когда «источник открыт к внушению вплоть до полного подчинения»¹⁰³.

Альфред Маккой, историк Университета Висконсина, который проследил историю развития пыток со времени инквизиции в своей книге «Проблема пыток: допросы ЦРУ от холодной войны до борьбы против террора», называет основную идею Kubark о вызове шокового состояния с помощью сенсорной депривации с последующей сенсорной перегрузкой «первой подлинной революцией в жестокой науке причинения боли более чем за три столетия»¹⁰⁴. По мнению Маккоя, это было невозможно без опытов в Университете Макгилла в 1950-х. «Если очистить их от причудливых излишеств, эксперименты доктора Кэмерона, основанные на ранних достижениях доктора Хебба, заложили научную основу психологического метода двухэтапной пытки, применяемого ЦРУ»¹⁰⁵.

---

⁹⁹ Kubark Counterintelligence Interrogation, p. 88.

¹⁰⁰ Там же, p. 90.

¹⁰¹ Human Resource Exploitation Training Manual – 1983 // Central Intelligence Agency. Новое переиздание книги 1983 года адаптировано к применению в учебных аудиториях, дополнено интересными вопросами для проверки знаний и дружескими напоминаниями («Всегда начинайте новую сессию допроса, располагая свежими батареями»).

¹⁰² Kubark Counterintelligence Interrogation, pp. 49–50, 76–77.

¹⁰³ Там же, pp. 41, 66.

¹⁰⁴ McCoy A.W. A Question of Torture, p. 8.

¹⁰⁵ McCoy A.W. Cruel Science, p. 220.

Там, где специалистов по допросам готовили на основе наставления Kubark, сформировались четкие методики – все действия направлены на создание, углубление и поддержание шока: в соответствии с наставлением узника арестовывают, чтобы как можно больше его дезориентировать, поздно ночью или при первых лучах солнца. Его глаза закрывают капюшоном или повязкой, его раздевают и бьют, а затем подвергают различным формам сенсорной депривации. И везде – от Гватемалы до Гондураса, от Вьетнама до Ирака, от Филиппин до Чили – применяют электрошок.

Конечно, все это не сводится исключительно к влиянию Кэмерона или программы MKUltra. Пытка – это всегда импровизация, сочетание изученных методик с человеческой потребностью в жестокости, которая быстро высвобождается в условиях безнаказанности. В середине 50-х годов прошедшего века электрошок был рядовым средством французских солдат в Алжире, которое применялось к бойцам за освобождение, нередко при участии психиатра¹⁰⁶. В этот период военные руководители из Франции проводили семинары в американском военном училище «подавления беспорядков» в Форт-Брегге (Северная Каролина), где они знакомили учащихся с методиками, отработанными в Алжире¹⁰⁷. Но не менее очевидно, что модель Кэмерона по использованию шока в огромных дозах служила не просто для того, чтобы причинить боль, но для специфической цели – разрушить структуру личности; она оказала большое влияние на ЦРУ. В 1966 году ЦРУ направило в Сайгон трех психиатров, вооруженных устройством Пейджа – Расселла, тем самым аппаратом для электрошока, который так любил Кэмерон; аппарат использовали с таким ожесточением, что несколько узников погибли. По мнению Маккоя, «на самом деле они проверяли в полевых условиях, действительно ли техники “разрушения паттернов” Эвена Кэмерона могут вызывать изменения в поведении человека»¹⁰⁸.

Сотрудники ЦРУ редко напрямую занимались подобными пытками. С 70-х годов и позже агенты из США предпочитали роль наставников или учителей, а не тех, кто непосредственно ведет допросы. В свидетельствах людей, подвергнутых пыткам в Центральной Америке в 70–80-е годы, постоянно попадаются загадочные люди, говорящие по-английски, которые часто заходят в камеру, задают вопросы или дают советы. Дайанна Ортез, американская монахиня, похищенная и брошенная в тюрьму в Гватемале в 1989 году, свидетельствовала, что люди, которые ее насиловали и наносили ей ожоги сигаретами, подчинялись человеку, говорившему по-испански с выраженным американским акцентом, которого прочие называли «боссом»¹⁰⁹. Дженнифер Харбери, чей муж был подвергнут пыткам и убит гватемальским офицером по заданию ЦРУ, описывает много подобных случаев в своей заслуживающей внимания книге «Истина, пытка и американский путь»¹¹⁰.

Хотя сменявшие друг друга правительства из Вашингтона давали на это свое разрешение, роль США в этих грязных войнах по понятным причинам оставалась тайной. Пытки – физические или психологические – являются грубым нарушением как Женевской конвенции, запрещающей любую форму пыток или жестокого обращения, так и собственного Единого свода военных законов армии США, который исключает жестокость и притеснение

¹⁰⁶ Fanon F. *A Dying Colonialism* / Trans. H. Chevalier. 1965, repr. New York: Grove Press, 1967. P. 138.

¹⁰⁷ Пьер Мессмер, занимавший пост министра обороны Франции с 1960 по 1969 год, говорил, что американцы пригласили французов обучать солдат в США. В ответ на эту просьбу в Форт-Брегг отправился генерал Поль Оссарессес, печально известный французский специалист по пыткам, не выразивший раскаяния по поводу своей деятельности. Он обучал американских солдат техникам «ареста, допроса и пыток». *Death Squadrons: The French School* // Documentary directed by Marie-Monique Robin. Idéale Audience, 2003.

¹⁰⁸ McCoy A.W. *A Question of Torture*, p. 65.

¹⁰⁹ Ortiz D. *The Blindfold's Eyes*. New York: Orbis Books, 2002. P. 32.

¹¹⁰ Harbury J. *Truth, Torture and the American Way*.

заклученных¹¹¹. Наставление Kubark на второй странице предупреждает читателя, что представленные в нем техники несут в себе «огромный риск позднее столкнуться с судебным преследованием», а версия 1983 года говорит о том же с большей прямотой: «Применение силы, психологическая пытка, угрозы, оскорбления или неприятное и бесчеловечное обращение любого рода в качестве вспомогательных средств допроса запрещаются законами, как международными, так и отечественными»¹¹². Другими словами, то, о чем написано в наставлении, противозаконно и поэтому должно храниться в тайне. И если кто-то будет задавать вопросы, почему служащие правительства США учат представителей развивающихся стран современным профессиональным полицейским методам ведения допросов, то нужно заявить, что сотрудники ЦРУ не могут отвечать за «эксцессы», происходящие вне учебных аудиторий.

11 сентября 2001 года эта стратегия благовидного отрицания, которой так долго следовали, была «выброшена в окно». Атака террористов, направленная на башни-близнецы и Пентагон, была другим видом шока, чем описанный в наставлении Kubark, но его эффект был замечательно сходным: глубокая дезориентация, крайняя степень страха и тревоги и коллективная регрессия. Как ведущий допрос в Kubark становился «отцовской фигурой», так и администрация Буша мгновенно использовала этот страх, чтобы разыграть роль способного оградить страну от всех бед родителя, который готов защищать «отечество» и его испуганное население любыми средствами. Резкий поворот в политике США был выражен в печально известных словах Дика Чейни о действии «темной стороны»; но эти слова не означали, что люди в администрации с радостью возьмутся за методы, которые возмущали многих ее более человечных предшественников (об этом неоднократно заявляли представители демократов, вдохновленные специфическим американским мифом «изначальной безгрешности», если пользоваться словами историка Гарри Уиллса)¹¹³. Скорее, важный поворот заключался в том, что дела, ранее творившиеся чужими руками, с соблюдением необходимой дистанции, осторожности и отрицанием своей осведомленности об этом, теперь будут совершаться напрямую и открыто оправдываться.

Что бы ни говорили о пытках, подлинное новшество администрации Буша заключалось в том, что теперь граждане США применяли пытки к узникам в американских тюрьмах или перевозили их в порядке «чрезвычайной выдачи» в третьи страны на американских самолетах. Именно это отличает режим Буша от остальных: после терактов 11 сентября он без стеснения потребовал себе право применять пытки. Это ставило администрацию в положение нарушителя уголовного закона – проблему удалось решить с помощью изменения законодательства. Дальнейшая цепь событий хорошо известна: министр обороны Дональд Рамсфельд, получив полномочия от Джорджа Буша, постановил, что узники, захваченные в Афганистане, не подпадают под Женевскую конвенцию, потому что они относятся к «участникам незаконных вооруженных формирований», а не к военнопленным, и это подтвердил тогдашний юридический советник Белого дома Альберто Гонзалес (впоследствии ставший министром юстиции)¹¹⁴. Затем Рамсфельд одобрил применение специальных методов ведения допросов в войне против террора. Сюда входят методы, описанные в учебниках

---

¹¹¹ Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War // United Nations. Adopted 1949. August 12, www.ohchr.org; Uniform Code of Military Justice, Subchapter 10: Punitive Articles. Section 893. Article 93, www.au.af.mil.

¹¹² Kubark Counterintelligence Interrogation, p. 2; Human Resource Exploitation Training Manual – 1983 // Central Intelligence Agency.

¹¹³ Gilbert C. War Will Be Stealthy // Milwaukee Journal Sentinel. 2001. September 17; Wills G. Reagan's America: Innocents at Home. New York: Doubleday, 1987. P. 378.

¹¹⁴ Seelye K.Q. A Nation Challenged // New York Times. 2002. March 29; Gonzales A.R. Memorandum for the President. 2002. January 25, www.msnbc.msn.com.

ЦРУ: «использование средств изоляции сроком до 30 дней», «лишение света и звуковых стимулов», «дозволяется также во время транспортировки и допроса использовать капюшон, скрывающий голову и глаза задержанного», «лишение одежды» и «использование специфических фобий задержанного (например, боязнь собак), чтобы вызвать состояние стресса»¹¹⁵. Попытки все еще запрещены Белым домом, но теперь пыткой называются лишь такие действия, при которых вызванная боль «по интенсивности эквивалентна боли при серьезном телесном повреждении, таком как разрушение органа»¹¹⁶. Согласно новым правилам правительство США может использовать методики, разработанные в 1950-х годах в условиях секретности и нежелания их открыто признать, – теперь это можно делать открыто, не опасаясь судебного преследования. Например, в феврале 2006 года Научный совет по безопасности, дающий консультации ЦРУ, опубликовал отчет ветерана Министерства обороны, занимавшегося допросами. Там прямо говорится, что «внимательное изучение наставления Kubark чрезвычайно важно для любого человека, участвующего в допросах»¹¹⁷.

Одним из первых людей, столкнувшихся лицом к лицу с этим новым порядком, был американский гражданин и в прошлом член гангстерской шайки Хозе Падилья. Он был арестован в мае 2002 года в чикагском аэропорту О'Хара в связи с подозрением в намерении создать «грязную бомбу». Но ему не было предъявлено обвинения, не было и стандартной процедуры суда; вместо этого Падилью отнесли к «участникам незаконных вооруженных формирований», а это лишало его любых прав. Падилью доставили в тюрьму Военно-морского флота США в Чарльстоне (Южная Калифорния), где, как он рассказывает, ему ввели какое-то средство, – по его мнению, либо ЛСД, либо пи-си-пи, – и он был подвергнут интенсивной сенсорной депривации: его содержали в крохотной камере с затемненными окнами, не разрешив взять с собой часы или календарь. Когда его выводили из камеры, на него надевали наручники, глаза завязывали темной повязкой, а поступление звуков перекрывали с помощью тяжелых наушников. В таких условиях Падилья провел 1307 дней, при этом ему не позволяли контактировать с кем-либо, за исключением допрашивающих, которые, задавая ему вопросы, обрушивали на его изголодавшиеся органы чувств яркий свет и оглушительные звуки¹¹⁸.

Судебное заседание было назначено на декабрь 2006 года, хотя подозрение в намерении изготовить «грязную бомбу», из-за которого Падилья был арестован, не подтвердилось. Его обвинили в контактах с террористами, хотя он был не в состоянии защищать себя: согласно заключению экспертов техники регрессии Кэмерона успешно разрушили его взрослую личность – собственно, для этой цели они и разрабатывались. «Длительные пытки, которым был подвергнут мистер Падилья, оставили после себя повреждения, как психические, так и физические, – говорил на суде его адвокат. – Обращение правительства с мисте-

---

¹¹⁵ Phifer J. Subject: Request for Approval of Counter-Resistance Strategies // Memorandum for Commander, Joint Task Force 170. 2002. October 11, p. 6; declassified, www.npr.org.

¹¹⁶ Memorandum for Alberto R. Gonzales, Counsel to the President. 2002. August 1 // U.S. Department of Justice, Office of Legal Counsel, Office of the Assistant Attorney General, www.washingtonpost.com; Military Commissions Act of 2006, Subchapter VII, Sec. 6, thomas.loc.gov; McCoy A.W. The U.S. Has a History of Using Torture // History News Network, George Mason University, 2006. December 4, www.hnn.us; The Imperial Presidency at Work // New York Times. 2006. January 15. Под давлением Конгресса и Сената, а также Верховного суда администрация Буша была вынуждена несколько смягчить свою позицию примерно в то же время, когда Конгресс принял Закон о военной комиссии в 2006 году. Хотя Белый дом в новом законопроекте декларирует отказ от любого рода пыток, он оставил удобные лазейки, позволяющие агентам и подрядчикам ЦРУ продолжать применение описанных в Kubark сенсорной депривации и перегрузки, а также других «креативных» техник, включая симуляцию утопления («водная посадка»). Прежде чем подписать закон, Буш приложил к нему уже утвержденное заявление, в котором отстаивал свое право «интерпретировать смысл и практическое приложение Женевской конвенции» так, как считает нужным. Газета New York Times называет это событие «односторонним изменением, затрагивающим более чем 200-летнюю традицию и закон».

¹¹⁷ Kleinman S.M. KUBARK Counterintelligence Interrogation Review, p. 95.

¹¹⁸ Eggen D. Padilla Case Raises Questions about Anti-Terror Tactics // Washington Post. 2006. November 19.

ром Падильей лишило его личности». Проводивший осмотр психиатр заключает, что Падилья «утратил способность участвовать в своей собственной защите»¹¹⁹. Тем не менее судья, назначенный Бушем, настаивал на том, что Падилья способен участвовать в стандартном судебном процессе. Тот факт, что в этом случае состоялся открытый суд, делает историю Падильи уникальной. Тысячи других узников тюрем, которыми управляют США – и которые в отличие от Падильи не являются американскими гражданами, – прошли через подобные пытки, но без суда, открытого для публики.

Многие узники томятся в Гуантанамо. Мамдух Хабиб, австралийский гражданин, оказавшийся в этих застенках, сказал: «Гуантанамо – это эксперимент... И то, что они там исследуют, – “промывание мозгов”»¹²⁰. И действительно, поступающие оттуда свидетельства очевидцев, отчеты и фотографии показывают, что это похоже на Институт имени Аллана 1950-х, перенесенный на Кубу. С момента ареста узники подвергаются интенсивному курсу сенсорной депривации, включая капюшоны, повязки для глаз и тяжелые наушники, блокирующие все звуки. Они проводят в изолированных камерах месяцы, а выводят их оттуда лишь для того, чтобы подавлять их сознание при помощи лая собак, яркого света и бесконечных звукозаписей с плачем детей, оглушительной музыкой или кошачьим мяуканьем.

Воздействие этих факторов у многих узников приводит к тому же результату, что и эксперименты Кэмерона в 1950-х, – к полной регрессии. Один из узников, вышедший на свободу, британский подданный, рассказал своему адвокату, что в одном из крупных отделений тюрьмы под названием «блок Дельта» содержится «по меньшей мере пятьдесят» узников, постоянно пребывающих в состоянии бреда¹²¹. Рассекреченное письмо ФБР в Пентагон описывает одного особо важного заключенного, который «подвергался интенсивной изоляции продолжительностью свыше трех месяцев», в результате чего «его поведение соответствовало крайне тяжелой психологической травме (он разговаривал с несуществующими людьми, неоднократно сообщал, что слышит чьи-то голоса, часами сидел в камере скрючившись и накрывшись простыней)»¹²². По описанию Джеймса Йи, бывшего мусульманского священника армии США, который служил в Гуантанамо, узники «блока Дельта» демонстрируют классические симптомы сильнейшей регрессии. «Я прекращаю разговор, а они продолжают обращаться ко мне детским голосом и говорят полную чепуху. Многие из них громко расппевают детские песенки, повторяя их снова и снова. Некоторые стоят на стальных рамах кровати и ведут себя как дети – это напоминает мне игру в царя горы, в которую я играл с братьями, когда был маленьким». Ситуация заметно ухудшилась в январе 2007 года, когда 165 узников были переведены в новое крыло тюрьмы под названием «Лагерь Шесть», где стальные изолированные камеры препятствуют любому человеческому контакту. Сэбин Уиллетт, юрист, представлявший интересы нескольких узников Гуантанамо, предупредил, что если продолжать в том же духе, то «у вас получится приют для душевнобольных»¹²³.

Правозащитники указывают, что Гуантанамо при всех ужасах этой тюрьмы на самом деле является наилучшей из всех составляющих «офшорную зону» пыточного насилия, применяемого США на территории других стран, с тех пор как она частично открыта для наблюдения Красного Креста и юристов. Неизвестно число заключенных, исчезнувших в так называемых «темных местах» по всему миру или которые были переправлены агентами США в

---

¹¹⁹ Anderson C. Lawyers Show Images of Padilla in Chains // The Associated Press. 2006. December 4; Grant J. Why Did They Torture Jose Padilla // Philadelphia Daily News. 2006. December 12.

¹²⁰ US Handling of Hicks Poor: PM // Sydney Morning Herald. 2007. February 6.

¹²¹ Rasul Sh., Iqbal A., Ahmed R. Composite Statement: Detention in Afghanistan and Guantánamo Bay // Center for Constitutional Rights. New York 2004. July 26. P. 95, www.ccr-ny.org.

¹²² Zagorin A., Duffy M. Inside the Interrogation of Detainee 063 // Time. 2005. June 20.

¹²³ Yee J., Molloy A. For God and Country: Faith and Patriotism under Fire. New York: Public Affairs, 2005. Pp. 101–102; Golden T., Williams M. Hunger Strike Breaks Out at Guantánamo // New York Times. 2007. April 8.

тюрьмы других стран в порядке «чрезвычайной выдачи». Узники, которые вышли из этого кошмарного мира, рассказывают, что столкнулись там со всем набором шоковых методик Кэмерона.

Религиозный деятель Хассан Мустафа Осама Наср, живущий в Италии, был схвачен в Милане на улице группой агентов ЦРУ и итальянской тайной полиции. «Я не понимал, что происходит, – писал он позднее. – Меня начали бить кулаками в живот и по всему телу. Они заклеили всю мою голову и лицо липкой лентой, прорезав дырочки около носа и рта, чтобы я мог дышать». Его переправили в Египет и бросили в камеру без света, где «тараканы и крысы ползали по [его] телу» в течение 14 месяцев. Наср оставался в египетской тюрьме до февраля 2007 года, но ему удалось тайком переправить на волю 11-страничную рукопись с описанием пыток¹²⁴.

Он писал, что регулярно подвергался действию электрошока. По словам газеты *Washington Post*, его «привязывали к железной стойке, которую называли “невестой”, и стреляли из электрошокового пистолета», когда он был «привязан к мокрому матрасу на полу. Один допрашивающий садился на деревянный стул, ножки которого придавливали плечи узника, а второй в это время подавал разряды тока на стальные пружины матраса»¹²⁵. Кроме того, по данным Amnesty International («Международной амнистии»), ударами тока подвергали яички узника¹²⁶.

Участники всех дискуссий о том, действительно ли США применяют пытки или же это не более чем «креативный допрос», убеждены, что пытки при помощи электричества применяются к узникам, захваченным США, не только в отдельных случаях. Джума аль-Доссари, узник Гуантанамо, который более десятка раз пытался покончить жизнь самоубийством, дал письменные показания своему адвокату: когда он был в заточении у американцев в Кандагаре, «допрашивающий имел в руках небольшое устройство, похожее на мобильный телефон, но это было электрошоковое устройство. Он начал бить меня электрическими разрядами в лицо, спину, руки, ноги и половые органы»¹²⁷.

Мурат Курназ, уроженец Германии, столкнулся с подобным обращением в американской тюрьме в Кандагаре: «Это было только начало, поэтому там не было абсолютно никаких правил. Они могли делать все что угодно. Они избивали нас все время. Они применяли электрошок. Они погружали мою голову в воду»¹²⁸.

Реконструкция не удалась

К концу нашей первой встречи я попросила Гейл Кестнер рассказать подробнее о ее «электрических сновидениях». Она сообщила, что часто видит во сне ряды пациентов, спящих под воздействием лекарств. «Я слышу вскрики, стоны, голоса, говорящие: “Нет, нет, нет”. Я помню, что это такое – проснуться в этой комнате: я была вся потная, чувствовала тошноту, меня рвало – а в голове было очень странное ощущение. Как будто бы у меня там какой-то шарик, а не голова». Рассказывая об этом, Гейл, казалось, внезапно куда-то унеслась: она откинулась в своем голубом кресле, а ее дыхание стало тяжелым. Она опустила веки, и я могла заметить, как под ними быстро вращаются глазные яблоки. Затем она приложила ладонь к правому виску и произнесла низким и насыщенным голосом: «У меня при-

---

¹²⁴ Whitlock C. In Letter, Radical Cleric Details CIA Abduction, Egyptian Torture // *Washington Post*. 2006. November 10.

¹²⁵ Zagorin A., Duffy M. Inside the Interrogation of Detainee 063 // *Time*. 2005. June 20.

¹²⁶ Italy, Abu Omar: Italian Authorities Must Cooperate Fully with All Investigations // Amnesty International. Public Statement, 2006. November 16, www.amnesty.org.

¹²⁷ Dossari J. al-. Days of Adverse Hardship in U.S. Detention Camps – Testimony of Guantánamo Detainee Jumah al-Dossari // Amnesty International. 2005. December 16.

¹²⁸ Landler M., Mekhennet S. Freed German Detainee Questions His Country’s Role // *New York Times*. 2006. November 4.

ступ воспоминаний. Надо, чтобы вы меня отвлекли. Расскажите мне об Ираке – о том, как там все было плохо».

Я напрягала ум, чтобы в этих странных обстоятельствах рассказать подходящую историю о войне, и мне пришли в голову относительно благополучные воспоминания о жизни в «зеленой зоне». Постепенно черты лица Гейл смягчились и дыхание стало глубже. Она снова посмотрела на меня своими голубыми глазами:

– Спасибо. У меня был приступ воспоминаний.

– Я знаю.

– Но как вы догадались?

– Вы же мне сами сказали.

Она наклонилась и написала что-то на клочке бумаги.

В тот вечер, простившись с Гейл, я продолжала думать о том, о чем не хотела говорить в ответ на просьбу рассказать об Ираке. Я не могла ей сказать, что она сама напомнила мне Ирак; я не могла избавиться от ощущения, что ее история – история человека, подвергнутого шоку, и история подвергнутой шоку страны каким-то образом связаны как различные проявления одной и той же ужасающей логики.

Теории Кэмерона основывались на том, что пациент после применения шока впадает в регрессивное состояние и это создает условия для «возрождения» нового, здорового человека. Хотя эта мысль вряд ли принесет облегчение Гейл с ее переломанными позвонками и разрушенной памятью, но Кэмерон в своих работах описывал это разрушительное воздействие как созидание, подарок его счастливым пациентам, которые в результате применения суровой шоковой терапии смогут родиться заново.

С этой точки зрения вся деятельность Кэмерона представляется полным провалом. Сколь бы ни была глубока регрессия, которую он вызывал у пациентов, они никогда не вбирали в себя и не усваивали бесконечно повторяющиеся внушения, записанные на пленку. Хотя доктор был гением разрушения, он так и не смог переделать человека заново. Согласно исследованию, проведенному после ухода Кэмерона из Института Аллана, 75 процентов его бывших пациентов чувствовали себя после терапии хуже, чем до ее начала. Из пациентов, которые до госпитализации имели работу с полной занятостью, более половины оказались не в состоянии ее продолжать, а многие из них, подобно Гейл, страдали от множества новых физических и психологических нарушений. «Управление психикой» абсолютно не действовало, и Институт Аллана в итоге запретил эту терапию¹²⁹.

Нетрудно понять, что проблема заключалась в предпосылке, на которой строилась вся теория: в идее, что прежде исцеления надо стереть все, что было раньше. Кэмерон был уверен, что, стоит отбросить все привычки, стереотипы поведения и реакций, воспоминания, пациент придет к девственному состоянию «чистого листа». Но сколько бы он ни применял электрошоков, ни накачивал пациентов лекарствами и ни лишал их ориентации, это состояние оставалось недостижимым. Получался только обратный результат: чем яростнее было воздействие, тем сильнее расшатывалось здоровье пациента. Его психика не становилась «чистой», память разрушалась, уверенность изменяла.

Капитализму катастроф присуща та же самая неспособность отделить разрушение от созидания, мучение от исцеления. Я это постоянно ощущала в Ираке, нервно оглядываясь по сторонам в ожидании очередного взрыва. Ревностные энтузиасты, которые верят в благую силу шока, архитекторы американо-британского вторжения в Ирак, воображали, будто их силовое воздействие окажется столь ошеломляющим, столь мощным, что иракцы войдут в состояние, похожее на замедленную анимацию вроде той, что описана в руководстве Kubark.

---

¹²⁹ Schwartzman A.E., Termansen P.E. Intensive Electroconvulsive Therapy: A Follow-Up Study // Canadian Psychiatric Association Journal 12. 1967. № 2. P. 217.

И это приоткрывает дверь для новых возможностей: тогда завоеватели применят шоковое воздействие иного рода – экономическое, – и в результате на чистом листе послевоенного Ирака возникнет образцовая демократия со свободным рынком.

Но никакого чистого листа не появилось – только разбросанные булыжники и истерзанные озлобленные люди; как только эти люди начинали сопротивляться, на них воздействовали новыми шоковыми ударами, многие из которых основаны на опытах, применявшихся к Гейл Кестнер много лет назад. «Мы прекрасно умеем сражаться и все разрушать. Но день, когда я потрачу больше времени на восстановление, чем на битвы, будет прекрасным днем», – сказал генерал Питер Чиарелли, командир Первой бронекавалерийской дивизии армии США через полтора года после официального окончания войны¹³⁰. Этот день так и не наступил. Подобно Кэмерону, доктора шока в Ираке могут разрушать, но абсолютно неспособны что-то отстроить вновь.

---

¹³⁰ Eckholm E. Winning Hearts of Iraqis with a Sewage Pipeline // New York Times. 2004. September 5.

Глава 2

Еще один доктор-шок: Милтон Фридман и поиски лаборатории «радикальной экономической свободы»

Экономические технократы способны тут провести налоговую реформу, создать новый закон о социальном обеспечении или изменить режим обмена валюты там, но им никогда не доводилось действовать в роскошных условиях чистого состояния, где можно беспрепятственно выстроить оптимальную структуру экономической политики.

Арнольд Харбергер, профессор экономики Чикагского университета, 1988 г.¹³¹

Немногие академические заведения были столь плотно окутаны легендами, как экономическое отделение Чикагского университета в 1950-е годы. Его представители осознавали, что это не просто учебное заведение, но школа мысли. Там занимались не обучением студентов, но созданием и укреплением чикагской школы экономики, рожденной в узком кругу консервативных ученых, идеи которых представляли собой революционный бастион сопротивления «статистическому» мышлению, господствовавшему в то время. Войдя в дверь корпуса социальных наук, над которой красовалась надпись «Наука – это измерение», человек попадал в знаменитый буфет, где студенты, испытывая интеллектуальные силы, дерзали оспаривать мнения своих великих профессоров; вошедший сюда понимал, что оказался тут не ради прозаического получения диплома. Он вступал в ряды бойцов. Как об этом говорил Гэри Бекер, экономист консервативного направления и нобелевский лауреат, «мы были воинами в сражении почти со всеми остальными людьми нашей профессии»¹³².

Подобно отделению психиатрии в Университете Макгилла в те же годы, отделение экономики Чикагского университета находилось под властью амбициозного и харизматичного человека, который сознавал свою миссию – он намеревался совершить полный переворот в сфере науки. Этого человека звали Милтон Фридман. Хотя многие его наставники и коллеги столь же неистово, как он, верили в *laissez-faire* — радикальную свободу рынка от вмешательства государства, – именно энергия Фридмана наполняла его школу революционным горением. «Меня постоянно спрашивали: “Почему ты так взволнован? Идешь на свидание с красивой женщиной?” – вспоминает Бекер. Я отвечал: “Нет, иду на занятие по экономике!” В самом деле, учиться у Фридмана – в этом было какое-то волшебство»¹³³.

Миссия Фридмана, как и Кэмерона, основывалась на мечте о возвращении к состоянию «естественного» здоровья, когда все уравновешено до того, как действия людей создадут определенные стандарты мышления и поведения. Кэмерон мечтал вернуть к такому первоначальному состоянию психику, а Фридман мечтал избавить от старых паттернов общество, чтобы оно могло вернуться к состоянию чистого капитализма, очищенного от любых помех: регулирования со стороны правительства, препятствий для торговли и укоренившихся привычек людей. Кроме того, Фридман, подобно Кэмерону, считал, что, когда экономические отношения крайне искажены, есть только один путь достижения состояния до «грехопадения» – сознательно вызвать мучительный шок: только «горькие лекарства» помогут очиститься от этих нарушений и порочных паттернов. Кэмерон вызывал шок при помощи элек-

---

¹³¹ Harberger A.C. Letter to a Younger Generation // Journal of Applied Economics 1. 1998. № 1. P. 2.

¹³² Anderson K., Skinner T. The Power of Choice: The Life and Times of Milton Friedman // Aired on PBS. 2007. January 29.

¹³³ Peterson J. Milton Friedman, 1912–2006 // Los Angeles Times. 2006. November 17.

тричества; основным средством Фридмана была политика – шоковое лечение, к которому он призывал уверенных в своих силах политиков тех стран, где царил беспорядок. Однако в отличие от Кэмерона, который всегда мог применять свои любимые теории на практике, используя ничего не подозревавших пациентов, Фридману понадобилось два десятилетия исторических переворотов, пока ему не представился шанс осуществить свои заветные мечты о радикальном опустошении и воссоздании на практике.

Фрэнк Найт, один из основоположников чикагской экономической школы, считал, что мыслящие профессора должны «внедрять» в своих студентов мысль о том, что любая экономическая теория есть «священная характеристика системы», а не гипотеза для дискуссий¹³⁴. Стержнем такой священной чикагской доктрины было положение о том, что экономические силы спроса и предложения, инфляции или безработицы подобны природным стихийным силам, постоянным и неизменным. В условиях подлинно свободного рынка, о котором мечтали в чикагских аудиториях и писали статьи, эти силы находятся в совершенном равновесии: предложение соответствует спросу, подобно тому как положение Луны порождает приливы и отливы. Если экономика страдает от высокого уровня инфляции, это неизбежно означает – по жесткой фридмановской теории монетаризма, – что слепые политики запустили слишком много денег в систему, вместо того чтобы позволить рынку найти свое собственное равновесие. Подобно саморегулирующейся экологической системе, которая сама поддерживает свое равновесие, рынок, предоставленный самому себе, будет производить необходимое количество продукции по совершенно адекватным ценам, а производящие ее работники будут получать совершенно адекватные зарплаты, чтобы покупать эту продукцию, – и наступит рай всеобщей занятости и неограниченного созидания при нулевом уровне инфляции.

По мнению гарвардского социолога Дэниела Белла, эта любовь к идеализированной системе является самой характерной чертой радикальной экономики свободного рынка. Это капитализм, подобный «до совершенства отшлифованным движениям» или «божественному часовому механизму... производству искусства настолько совершенному, что на ум приходит история про Апеллеса, который нарисовал виноградную гроздь так реалистично, что к ней слетались птицы, пытаясь склевать ягоды»¹³⁵.

Перед Фридманом и его коллегами стояла сложнейшая задача: продемонстрировать, что рынок, соответствующий их смелым идеям, может существовать в реальном мире. Фридман всегда гордился тем, что относится к экономике как к науке столь же строгой и точной, как физика или химия. Но в сфере точных наук ученый мог сослаться на поведение частиц, которое доказывает правоту его теорий. Фридман же не мог сослаться на какую-либо экономику из существующих для доказательства того, что, если устранить все «помехи», останется общество полного здоровья и изобилия, поскольку ни одна страна в мире не соответствовала его критериям полного невмешательства. Не имея возможности испытывать свои теории на центральных банках и министерствах торговли, Фридман и его коллеги занялись созданием совершенных и оригинальных математических уравнений и компьютерных моделей на семинарах, проводимых в подвале корпуса общественных наук.

Именно любовь к цифрам и системам привела Фридмана в экономическую науку. В автобиографии он вспоминает важнейший момент своего прозрения, когда учитель геометрии начертил на доске теорему Пифагора, а затем, восхищаясь ее изяществом, процитировал «Оду греческой вазе» Джона Китса: «Краса – где правда, правда – где краса! / Вот знание

---

¹³⁴ Knight F.H. The Newer Economics and the Control of Economic Activity // Journal of Political Economy 40. 1932. № 4. P. 455.

¹³⁵ Bell D. Models and Reality in Economic Discourse // The Crisis in Economic Theory / Ed. D. Bell, I. Kristol. New York: Basic Books, 1981. Pp. 57–58.

все и все, что надо знать»¹³⁶. Фридман передал эту экстагическую любовь к прекрасной всеобъемлющей системе другим поколениям ученых-экономистов – наряду со стремлением к простоте, изяществу и точности.

Подобно любой фундаменталистской вере, экономическая наука чикагской школы была для истинных верующих замкнутым кругом. Ее начальное положение гласит: свободный рынок – это совершенная с научной точки зрения система, внутри которой индивидуумы, действуя из корыстных интересов, создают максимально благоприятные условия для всех. Отсюда неизбежно вытекает еще одно положение: если с экономикой свободного рынка что-то не в порядке, например царит высокий уровень инфляции или быстро растет безработица, это объясняется тем, что рынок по-настоящему несвободен. Что-то вмешивается в его работу, что-то вносит помехи в систему. И чикагская школа всегда предлагает одно и то же решение – еще более жесткое и всестороннее применение на практике фундаментальных положений ее теории.

Когда в 2006 году Фридман умер, авторы некрологов из всех сил старались показать масштаб его наследия. Один из них выразил это такими словами: «Мантра Милтона: свободный рынок, свободные цены, выбор потребителя и экономическая свобода – стала причиной того глобального благоденствия, в котором мы сегодня живем»¹³⁷. Тут есть доля правды. Природа этого глобального благоденствия – кто им пользуется, а кто нет, и откуда оно исходит – это вещь, разумеется, крайне спорная. Невозможно отрицать тот факт, что правила Фридмана относительно свободного рынка и хитроумные тактики их внедрения принесли некоторым людям величайшее благоденствие и почти абсолютную свободу – свободу игнорировать границы между странами, свободу от постороннего контроля и налогов, свободу накапливать все новые богатства.

Умение порождать идеи, приносящие большой доход, по-видимому, восходит к детству Фридмана, когда его родители, покинувшие Венгрию, приобрели фабрику по производству одежды в Раувей (штат Нью-Джерси). Квартира, где жила семья, помещалась в одном здании с лавкой, которую, писал Фридман, «сегодня бы назвали кондитерской»¹³⁸. Это был интересный период для владельцев кондитерской: марксисты и анархисты помогали рабочим-иммигрантам создавать профсоюзы, которые боролись за соблюдение техники безопасности и за выходные дни, – и после смены обсуждали теорию права собственности рабочих. Сын босса Фридман, несомненно, мог смотреть на эти дебаты с самых разных точек зрения. В итоге фабрика его отца разорилась, но в своих лекциях и телевизионных выступлениях Фридман часто о ней вспоминал, используя ее как пример, показывающий преимущества капитализма, не стесненного законодательными ограничениями, как доказательство того, что даже самые низшие свободные от регулирования работы могут стать первой ступенькой лестницы свободы и процветания.

Во многом притягательность чикагской школы экономики объяснялась тем, что в ту эпоху, когда мир завоевывали радикальные левые идеи о власти рабочих, эта школа учила отстаивать права собственников, причем с не меньшим радикализмом и не без примеси своего идеализма. По словам самого Фридмана, его идеи касались отнюдь не права собственника фабрики снижать зарплату, но были направлены на поиск самой чистой из возможных формы «демократии участия», поскольку в условиях свободного рынка «каждый

---

¹³⁶ Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People, p. 24. Стихотворение Дж. Китса; цит. по: Английская поэзия в русских переводах XIV–XIX вв. / Пер. А.И. Лихачева. М.: Прогресс, 1981.

¹³⁷ Kudlow L. The Hand of Friedman // The Corner web log on the National Review Online. 2006. November 16, www.nationalreview.com.

¹³⁸ Friedman M., Friedman R. Two Lucky People, p. 21.

человек всегда может проголосовать за цвет галстука, который он хочет носить»¹³⁹. Левые обещали рабочим свободу от начальников, гражданам – от диктаторов, странам – от колониализма; Фридман обещал людям «индивидуальную свободу», которая возвышает любого отдельного гражданина над любым коллективным делом и позволяет ему выразить свою совершенно свободную волю через потребительский выбор. «Особенно поразительными тут были те же самые качества, которые делали марксизм столь притягательным для многих молодых людей, – вспоминал экономист Дон Пэтинкин, учившийся в Чикаго в 40-х годах, – это простота в сочетании с очевидным логическим совершенством; идеализм, соединенный с радикализмом»¹⁴⁰. Марксисты предлагали утопию рабочим, а теоретики из Чикаго предлагали утопию предпринимателям, и оба направления утверждали, что, если эти идеи реализовать, общество достигнет совершенства и равновесия.

Оставался еще один вопрос: как прийти к этому чудесному состоянию из нашей ситуации? Ответ марксизма был прост – революция: следует избавиться от нынешней системы и заменить ее социализмом. Для чикагских мыслителей ответ не был столь очевиден. Соединенные Штаты уже были капиталистической страной, но, с точки зрения Фридмана, пока недостаточно. В экономике США и других стран чикагская школа видела повсеместные препятствия. Чтобы сделать продукцию доступнее, политики устанавливали фиксированные цены; чтобы защитить рабочих от эксплуатации, они устанавливали минимальные зарплаты; чтобы дать каждому возможность получить образование, они передали эту сферу государству. Казалось, что эти меры помогают людям, но Фридман со своими коллегами был убежден, что на самом деле государственные меры причиняют вред, нарушая равновесие рынка. Поэтому чикагская школа видела свою миссию в очищении: необходимо очистить рынок от всех этих помех, чтобы восторжествовал свободный рынок.

По этой причине чикагские экономисты не считали марксизм своим настоящим врагом. Реальным источником проблем для них были сторонники Кейнса в Соединенных Штатах, социал-демократы Европы и так называемый девелопментализм¹⁴¹ в странах третьего мира. Эти люди верили не в утопию, но в смешанную экономику, которая казалась чикагским теоретикам уродливой смесью из капитализма в сфере производства и распределения продуктов потребления, социализма в сфере образования, государственной собственности на предметы первой необходимости, например в области водоснабжения, и всевозможных законов по ограничению крайностей капитализма. Подобно религиозным фундаменталистам, которые с натянутым уважением относятся к фундаменталистам других вер и открытым атеистам, но презирают поверхностного верующего, чикагские теоретики объявили войну всем сторонникам смешанной экономики. Если быть точным, они стремились не к революции, а к капиталистической Реформации – желали вернуться к незапятнанному капитализму.

Во многом такой пуризм восходит к Фридриху Хайеку, наставнику Фридмана, который также преподавал в Чикагском университете в 1950-х. Этот ученый, уроженец юга Австрии, предупреждал: любое вмешательство государства в экономику отбрасывает общество назад, «к крепостному праву», и от этого следует отказаться¹⁴². По словам Арнольда Харбергера, который длительное время был профессором в Чикагском университете, «австрийцы», как прозвали эту группировку, были настолько ревностны, что воспринимали любое вмешательство государства не как ошибку, но как «зло... Понимаете ли, они верили в существование прекрасной, хотя и крайне сложной картины, обладавшей полной внутренней гармонией, и

¹³⁹ Friedman M. Capitalism and Freedom, p. 15.

¹⁴⁰ Patinkin D. Essays on and in the Chicago Tradition. Durham, NC: Duke University Press, 1981. P. 4.

¹⁴¹ Девелопментализм – направление политической и экономической мысли в странах Юж-ной Америки, Азии и Африки, ставившее целью достижение политической независимости, экономическое и социальное развитие. – Примеч. ред.

¹⁴² Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1944.

любое пятнышко на этой картине казалось им просто кошмарным пороком... тем, что портит всю красоту»¹⁴³.

В 1947 году, когда Фридман с Хайеком создали Общество Мон-Пелерин (название связано с местом в Швейцарии, где оно базировалось), клуб экономистов – сторонников свободного рынка, мысль о том, что бизнес надо оставить в покое, дабы он правил миром как желает, не была слишком популярна среди уважаемых людей. Воспоминания о крахе рынка в 1929 году и последовавшей Великой депрессии все еще оставались свежими: накопления всей жизни, внезапно превратившиеся в прах, самоубийства, раздача бесплатных обедов, беженцы. Масштабы бедствия, связанного с рынком, заставили людей просить правительство срочно заняться этой ситуацией. Депрессия не была знаком конца капитализма, но, по предсказаниям Джона Мейнарда Кейнса, сделанным за несколько лет до этой катастрофы, она предвещала «конец эпохи *laissez-faire*» – рынок утратил право регулировать себя самостоятельно¹⁴⁴. Так что период с 1930-х по начало 1950-х годов был периодом уверенного «вмешательства»: благодаря энергичному воздействию «Нового курса» были приняты героические усилия, чтобы запустить программы общественных работ, создающих столь нужные рабочие места, а также новые социальные программы, которые должны были остановить рост левых настроений среди множества людей. В ту эпоху никто не стыдился говорить о компромиссе между левыми и правыми, скорее это должно было предупредить наступление мира, в котором – как писал Кейнс президенту Франклину Рузвельту в 1933 году – «существующие ортодоксия и революция пойдут в своей борьбе до конца»¹⁴⁵. Джон Кеннет Гэлбрейт, духовный наследник Кейнса в США, говорил, что важнейшей миссией как политики, так и экономики является «предотвращение спадов и безработицы»¹⁴⁶.

Вторая мировая война обострила задачу борьбы с нищетой. Нацизм пустил корни в Германии в тот период, когда страна переживала опустошительную депрессию, вызванную выплатой мучительных репараций после Первой мировой войны, усугубленную экономическим крахом 1929 года. Кейнс заранее предупреждал, что, если мир будет следовать тактике невмешательства относительно нищеты в Германии, это породит нечто ужасное: «осмелюсь предположить, за этим последует месть»¹⁴⁷. Тогда на эти слова никто не обратил внимания, но при восстановлении Европы после Второй мировой войны западные правители охотнее приняли на вооружение утверждение, что рыночная экономика должна в целом поддерживать достоинство человека, иначе разочарованные граждане снова обратятся к более привлекательным идеологиям, будь то фашизм или коммунизм. Этот прагматический императив лег в основу почти всего, что сегодня в нашем сознании связано с минувшей эпохой «капитализма с человеческим лицом»: социальной защитой в США, государственным здравоохранением Канады, системой социальных пособий в Великобритании, защитой прав рабочих во Франции и Германии.

Подобное и еще более радикальное настроение поднималось в развивающихся странах. Оно обычно называлось девелопментализмом или национализмом стран третьего мира. Сторонники этого направления утверждали, что их страны окончательно освободятся от порочного круга нищеты лишь в том случае, если будут стремиться к созданию промышленности, ориентированной на внутренний рынок вместо экспорта в страны Европы и Север-

---

¹⁴³ Интервью с Арнольдом Харбергером 3 октября 2000 года // *Commanding Heights: The Battle for the World Economy*. Boston: Heights Productions, 2002. Серии телепередач PBS (исполнительные продюсеры Даниэль Ергин и Сью Лена Томпсон, серийный продюсер Вильям Кран). Полная расшифровка интервью доступна на сайте www.pbs.org.

¹⁴⁴ Keynes J.M. *The End of Laissez-Faire*. London: L & Virginia Woolf, 1926.

¹⁴⁵ Keynes J.M. *From Keynes to Roosevelt: Our Recovery Plan Assayed* // *New York Times*. 1933. December 31.

¹⁴⁶ Galbraith J.K. *The Great Crash of 1929*. 1954, repr. New York: Avon, 1979. P. 168.

¹⁴⁷ Keynes J.K. *The Economic Consequences of the Peace*. 1919, repr. Westminster, UK: Labour Research Department, 1920. P. 251.

ной Америки природных ресурсов, цены на которые падают. Они защищали регулирование нефтедобывающей, горнодобывающей и других важнейших отраслей промышленности как необходимую основу государственно-управляемых процессов развития.

К 1950-м годам девелопменталисты, как и кейнсианцы или социал-демократы в богатых странах, уже могли с гордостью продемонстрировать некоторые яркие плоды своего подхода. Ведущей лабораторией девелопментализма были страны южной части Латинской Америки, которые называли странами южного конуса: Чили, Аргентина, Уругвай и некоторые области Бразилии. Центром реформ была Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке, находившаяся в городе Сантьяго в Чили, которую с 1950 по 1963 год возглавлял экономист Рауль Пребиш. Пребиш подготовил не одну команду экономистов, вооруженных теорией девелопментализма, которые служили экономическими советниками правительств по всему континенту. Политики этого направления, такие как Хуан Перон в Аргентине, с энтузиазмом реализовывали девелопментализм на практике: они вкладывали общественные деньги в создание инфраструктуры, например в строительство шоссе или металлургических заводов, щедро субсидировали местный бизнес для создания новых фабрик и поточного производства автомобилей и стиральных машин, обложив иностранный импорт чрезвычайно высокими пошлинами.

В этот головокружительный период развития страны южного конуса стали больше походить на государства Европы и Северной Америки, чем на других представителей Латинской Америки или третьего мира. Работники новых заводов объединились в мощные профсоюзы, боровшиеся за соответствие уровня их зарплат уровню доходов среднего класса, а своих детей они посылали учиться в новые госуниверситеты. Ужасающий разрыв между местной элитой – членами дорогих клубов и крестьянской массой начал сглаживаться. К 1950-м годам Аргентина имела самую мощную прослойку среднего класса, больше чем в любой другой стране континента, а в Уругвае уровень грамотности достигал 95 процентов, и все граждане получали бесплатную медицинскую помощь. Успехи девелопментализма были столь поразительны, что страны южного конуса в Латинской Америке стали мощным символом для бедных стран всего мира: они доказывали, что при настойчивом применении разумной политики различия между первым и третьим миром можно в итоге устранить.

Подобные успехи управляемой экономики – на кейнсианском севере или девелопменталистском юге – омрачали жизнь экономического отделения Чикагского университета. Соперники чикагской школы, выпускники Гарварда, Йеля и Оксфорда, получали приглашения от президентов и премьер-министров, чтобы помочь им укротить дикого зверя рынка, и почти никого не интересовали смелые мысли Фридмана, согласно которым надо оставить рынок в покое, чтобы он вел себя еще более дико, чем раньше. Тем не менее были люди, которых кровно интересовали идеи чикагской школы, и это меньшинство обладало властью.

Для руководителей международных корпораций в США, столкнувшихся с менее благоприятными условиями в развивающемся мире и с более сильными и требовательными профсоюзами у себя дома, годы послевоенного бума были неприятными временами. Экономика бурно развивалась, порождая необъятное богатство, однако собственники и акционеры вынуждены были перераспределять значительную долю этого богатства в виде налогов, которыми облагались корпорации, и зарплат рабочим. Все процветало, но если можно было бы вернуться к эпохе до «Нового курса», дела небольшой кучки людей пошли бы куда замечательнее.

Кейнсианская революция против политики невмешательства дорого обошлась корпоративному сектору. И чтобы вернуть утраченные позиции, нужна была контрреволюция против кейнсианства и возвращение к капитализму, который регулируется еще меньше, чем в годы до Великой депрессии. Но Уолл-стрит не могла возглавить этот поход в условиях атмосферы тех лет. Если бы, скажем, близкий друг Фридмана Уолтер Ристон, глава Citibank,

выступил за отмену минимальной заработной платы и налогов для корпораций, его бы немедленно обозвали «бароном-разбойником». Именно поэтому так важна была чикагская школа. Вскоре стало ясно, что если Фридман – талантливый математик и опытный спорщик – выдвинет те же предложения, они прозвучат совершенно иначе. Их можно отбросить как ошибку, но от них исходила аура научной беспристрастности. Таким образом, корпоративные мысли, представленные в виде научных (или как бы научных) идей, имели огромное преимущество, именно поэтому чикагская школа получила огромную финансовую поддержку, более того, была создана глобальная сеть интеллектуальных центров и институтов правого крыла, поддерживавших и подкармливавших рядовых бойцов контрреволюции по всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.